

Споры о Достоевском (1973)

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Эдемский Роман Григорьевич — литературовед, автор работы „Атеизм Достоевского“

Жуовьян Сергей Сергеевич — литературовед, товарищ Эдемского по университету.

Чернокотов Василий Васильевич — бывший студент университета, ныне лицо без определенных занятий,

Хомятов Алексей Иванович — известный литератор.

Вартаньянц Павел Дмитриевич — главный редактор издательства.

Соскис Михаил Залманович — зам. главного редактора.

Кугушев Олег Андреевич - член редакционного совета

Труш Элем Анатольевич- член редакционного совета

Петрузов Федот Тимофеевич - член редакционного совета

Колмакова Ольга Юрьевна - член редакционного совета

Карабинович Зоя Константиновна - член редакционного совета

Лобачев Георгий Исаевич- член редакционного совета

Шмулер - Дийсный Борис Борисович — профессор университета

Монцевич Николай Станиславович — профессор университета

Вера Степановна — секретарь главного редактора

Ирина Моисеевна - стенографистка

Сашенька - стенографистка

Валя — буфетчица

Иван — швейцар

Касьяновна — уборщица

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната, или, вернее, небольшой зал в старом особняке, где любят размещаться современные творческие учреждения. С высокого потолка спускается тяжелая люстра — бронза и хрусталь... Потолок и стены отделаны красным деревом. Окна закрыты спускающимися до полу шторами на кольцах. Т-образно, в стандартно-заседательском стиле составлены дорогие полированные столы. Вдоль стен мягкие стулья и полукресла. За председательским креслом стена занята под старинную полировку сделанными книжными шкафами, плотно забитыми томами БСЭ — Большой Советской Энциклопедии, а также темно-красными и темносиними корешками Политиздата. На стене портреты Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Горького. Со всем этим не гармонирует расположенный в углу бронированный, защитного цвета казенный шкаф — сейф. На сейфе стоит маленькая, нарядно украшенная елка.

Утро. Время предрабочее. За столом сидят две стенографистки: пожилая, с рыжими крашеными волосами на лысеющей голове — Ирина Моисеевна и тоненькая, под мальчика стриженная Сашенька. Вера Степановна — секретарь — женщина „под сорок“ раскладывает на столах бумагу и карандаши. Касьяновна — уборщица — совсем почти старушка, кончает уборку. Двигается она неторопливо, как-то вывернув локти назад и комкая тряпку обеими руками.

Касьяновна

Новый год, а погода, как на Пасху... Тьфу, чтоб тебе, нечистому, поперек поясницы (смеется).

Ирина Моисеевна

Да, да, мокрый снег с дождем, грипп... Совсем не по-новому (к секретарше). Верочка, мы с Сашенькой правильно сидим?

Вера Степановна

Если не трудно, поближе пересядьте. Павел Дмитриевич любит, чтобы стенографистки рядом находились... Соскису, тому все равно.

Касьяновна

Раньше все лучше было... Магазин раковых консервов на углу (смеется).

Вера Степановна

Каких еще там раковых консервов?

Касьяновна

Крабы в натуре (смеется).

Ирина Моисеевна

Как я перепугалась, когда распространились слухи, что Павел Дмитриевич умер... Но как же он прямо из больницы на работу? Ему бы в санаторий месяца на два.

Вера Степановна

Что делать? У меня над ним власти нет. У него жена, сыновья взрослые...

Ирина Моисеевна

Как эти умные мужчины все-таки бывают глупы в личном.

Вера Степановна молча достает из ящика коробку разноцветных карандашей и, вынув несколько — красный, зеленый, коричневый, заботливо укладывает их вокруг председательского блокнота.

Ирина Моисеевна

А этот Эдемский... Я его никогда не стенографировала... Молодой автор?

Вера Степановна (раздраженно)

Этот Эдемский из пожилых вундеркиндов. Наше время — время пожилых вундеркиндов.

Ирина Моисеевна

Значит, будет скандал. А ведь после скандала всегда стенограмму требуют. Наговорят друг другу гадостей, а потом стенографистки виноваты. Помню, в прошлом году один другого безмозглой котлетой обозвал. Люди пожилые, уважаемые... Так вот потом этот уважаемый доказывал, что безмозглую котлету ему стенографистка вписала...

Касьяновна (вытирая председательский стол)

На Пасху, помню, пойдут к покойникам на кладбище поминать... Выпьют, поругаются... Выдергивают кресты из могил и прямо этими крестами дерутся (смеется).

Вера Степановна

Вы бы, Касьяновна, поторопились, сейчас уже народ сходиться начнет.

Касьяновна

Бу-бу-бу, бу-бу-бу, а я с семи утра на ногах (плачет).

Входит Валя, буфетчица по должности и по внешнему облику. Крепкая, невысокая, короткорукая, но с некоей своеобразной женственностью, свойственной физически сильным женщинам.

Вера Степановна

Валя, десять стаканов чая с лимоном, нет, даже пятнадцать.

Валя

Сахар кусковой или прямо в чай?

Вера Степановна

Кусковой на блюдечках и бутерброды с сыром.

Касьяновна

Валя, у тебя мирмилад сегодня в буфете есть?

Валя

Подожди, Касьяновна (к Вере Степановне). Я по безличному бутерброды сегодня не могу...

Звонит телефон.

Вера Степановна (берет трубку)

Алле... Одну минуту (кричит)... Павел Дмитриевич, вас. (к Вале.) Сегодня расширенный редсовет, будут гости из университета и, может быть, даже сверху. Я сама в бухгалтерии договорюсь насчет бутербродов, ты не волнуйся.

Касьяновна (Вале)

Мне бы триста грамм мирмилада.

Вера Степановна

Да подождите, Касьяновна.

Касьяновна (всхлипывая)

Ты мне не начальник. У меня Вартаньянц начальник... Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Чтоб вы все сгорели (выходит).

Валя

Давно бы Касьяновну на пенсию. Терпеть не могу хитрых и грубых старух. Когда видишь грубую старуху, так и кажется, что ей мужчины хочется.

Ирина Моисеевна

Зачем же так пошлить? Я тоже старая женщина, и вы тоже не девочка...

Входит Вартаньянц, высокий, костлявый, с желтизной в лице и в дорогом костюме, висащем на нем как на вешалке.

Вера Степановна (шепотом)

Алексей Иванович...

Вартаньянц (торопливо берет трубку)

Добрый день, Алексей Иванович... Вартаньянц... Да, очень рад... Ждем вас... Да, к десяти... Ну, тогда хотя бы к концу... Мы всегда вам рады... (коротко засмеялся, некоторое время слушает молча) В принципе, я с вами абсолютно согласен... Тема, предложенная автором, вообще весьма обнадеживала... Буржуазное литературоведение пытается фальсифицировать наследие Достоевского в большей степени, чем всех иных авторов критического реализма вместе взятых. Да... Именно я был главным сторонником вступления с автором в договорно-финансовые отношения... Мне даже пришлось, признаюсь, выдержать целую баталию с рядом товарищей... В частности с заместителем моим, Михаилом Залмановичем Соскисом... Я вас не отвлекаю, Алексей Иванович?.. Просто мне хотелось бы с вами посоветоваться... Положение сложное... Я знаю, что вы с интересом... Так в том-то и дело... Если бы мы имели дело с рвачом, с откровенной халтурой... Но надо признать, во многом Соскис был прав... Он сам специалист по Достоевскому, отдал этой теме пятнадцать лет своей жизни... Его сразу же насторожило... Нет, для этого мы и собираемся, чтобы отделить пшеницу от плевел... Мы вас ждем, Алексей Иванович... Я? Да, действительно немного приболел, но, наконец, кажется, выкарабкался... Спасибо... В любой момент рады вам... Всего вам доброго... **(Вешает трубку и, подняв голову, замечает стоящего на пороге бедно, неряшливо одетого человека с толстым потертым портфелем. Сразу сухо.)** Вам что, товарищ?

Человек

Моя фамилия Чернокотов... Василий Чернокотов, не слышали?

Вартаньянц

Нет. Что вам угодно?

Чернокотов

Давайте познакомимся (подходит и протягивает руку). Чернокотов... Фамилия сибирская... Разбойничья... Не фамилия, а кличка... Фамилия — это закордонное слово... У нас на Руси испокон веков кличка была... Как, мол, тебя кличут? Говорят, казак Чернокот рядом с Ермаком Тимофеевичем плечом к плечу... Семейная легенда... Но Ермак Тимофеевич утонул в Иртыше, а Чернокот пробился сквозь татарские полчища и основал династию Чернокотовых.

Вартаньянц *(нехотя подав руку)*

Что вам угодно?

Чернокотов

Я без приглашения. Случайно узнал... Русскому человеку трудно отказать себе в удовольствии поговорить о Федоре Михайловиче... Тем более, в университете, который по превратности судьбы не окончил, меня **мужик Марей** звали... По облику... Годам к пятидесяти, если доживу, обязательно заведу себе темно-русую окладистую бороду *(по разговору чувствуется, что Чернокотов пьян, но пьян привычно, то есть в полном сознании, разве что более остер, ироничен и быстрее в мыслях)*.

Вартаньянц *(раздраженно)*

У нас сегодня закрытый редсовет...

Чернокотов

Мне Соскис Михаил Залманович разрешил... Вы меня не знаете, а Михаил Залманович меня знает... А раз знает — значит, доверяет... А раз доверяет — значит, проверяет...

Вартаньянц *(раздраженно)*

Не морочьте мне голову, молодой человек, здесь не место для шуток.

Входит Труш, невысокого роста, подвижный, явно из „маленьких мужчин“.

Труш

Здравствуйте, Павел Дмитриевич, с выздоровлением.

Вартаньянц

Спасибо. Как ваше впечатление?

Труш

Я высказал вам по телефону... Помните, у Достоевского — вся ошибка этих людей в том, что они видят всегда русский прогресс единственно в самооплевании.

Чернокотов

Это, Элем, Федор Михайлович все-таки о других говорил. Эти уже не на себя, а на нас плюют.

Труш

Здравствуй, Вася, здравствуй, дорогой! Кота-то я и не заметил... Ты к нам?

Чернокотов

Да вот гонят...

Труш

Ну, не смей меня, кто ж тебя прогнать может? И зачем? Разве что по недоразумению. (к Вартаньянцу.) Вы не знакомы, Павел Дмитриевич?

Вартаньянц (сухо)

Как будто познакомились.

Входит Петрузов. Человек с лицом ответработника средней руки. Это крепкий, плотный мужчина. Здоровается за руку с Вартаньянцем и Чернокотовым.

Труш, который при появлении Петрузова отошел в сторону, обменялся с вошедшим сдержанным поклоном.

Труш (с вызовом глядя на Петрузова)

Конечно, во времена культа личности, когда Достоевский вообще был заколочен гробовыми досками, как статуи в Летнем саду в Ленинграде, трудно было говорить о Федоре Михайловиче без ранее заготовленного набора формулировок, но сегодня мы его в обиду никому не дадим... Ни догматикам, ни декадентам.

Чернокотов (со злым весельем)

Верно, Элем... Так их, ату! Не дадим себя обижать ни внешним, ни внутренним иностранцам... (после паузы, потише.) Какой-то французик назвал творчество Федора Михайловича мерзким, как храм Василия Блаженного...

Лобачев (входя)

Не мерзким, а чудовищным... (Здороваясь со всеми за руки.) Это Мельхиор де Вогюе... Тот самый, который обнаружил в произведениях Достоевского ожесточенную борьбу с мыслью, с полнотой жизни... И дай Бог памяти, освящение идиотизма, пассивности, бездеятельности...

Труш

Сукин он сын!

Чернокотов

Именно сукин... Но важно другое, кто же эта сука... Чтоб так заявить, надо сильно ненавидеть Россию... А французики — это канареечная нация... На настоящую ненависть они не способны... Они и в ненависти развратны, как в любви... Нет, это им изнутри подсказали... Это из „наших“ кто-то...

Петрузов

Сейчас последний крик моды все на культ личности валить... А в прежние времена такие космополитические заявления о храме Василия Блаженного и в дискуссионном порядке не могли появиться.

Труш (саркастически улыбаясь)

Тоска по покойнику с Кавказа... Он и без дискуссии храмы с лица земли сносил... Великий храм Спаса разрушил, национальную реликвию...

Петрузов

Не надо все валить в кучу. Ошибки — это ошибки, а достоинства — это достоинства. Не надо плевать только оттого, что слюна во рту накопилась.

Чернокотов

Обидно мне глядеть на вас, братья славяне... Два русских человека, а по пустякам готовы друга друга в корыте утопить.

Труш (нервно)

Тридцать седьмой год пустяки... У тебя ж самого семью раскулачили, по миру пустили...

Чернокотов

Элемчик, дорогуша моя, нельзя же все время на одном застревать. Было да прошло. Чего только не было у нас, да прошло. Храмы рушились, города горели, жен наших насильовали, а мы вот они — живы... О вечном думать надо... А вечное для нас с вами — это Россия.

Петрузов

Хорошее у тебя лицо, Вася, становится, когда о России начинаешь говорить. Политрук у нас был в роте, убили его под Ростовом в сорок первом, на него лицом похож становишься... Только пил бы поменьше.

Чернокотов роется в портфеле, достает один из томов, весь в закладках, затем другой.

Труш

Ты что, Вася, полное собрание Достоевского с собой таскаешь?

Чернокотов

Таскаю. Полное собрание... Я теперь за городом живу... Комнатушка ничего, теплая... И электричкой полчасика... Устанешь как-нибудь, затоскуешь, или голодного червяка заморить надо, или жажду... Русская жажда, знаешь, какова? Так вот возьмешь этак наугад, раскроешь... (читает) ...явятся и бесчисленные другие, все те, кто прежде так жаждали верить в русского человека, но не могли проявиться и идти против всего царившего наруже отрицания и пессимизма..."

Труш

Тебе б, Вася, на работу устроиться.

Чернокотов

Так ведь всюду „наши“. Характер менять надо... А характер у меня раз и навсегда сколочен, сибирский...

Петрузов

Позвони мне в середине той недели (отходит к Вартаньянцу, с которым стоят и разговаривают Лобачев, Шмупер-Дийсний и Монцевич).

Чернокотов (Трушу)

Разогнаться бы с высокой горы... У нас в Сибири, знаешь, какие горы... Ребятня любит с них... Смех, солнце светит красное — морозное, собаки лают... Хорошо... Разогнаться бы, да в эту поблескивающую очками кучу... Очки бы в разные стороны полетели, вставные челюсти...

Труш (оглядываясь)

Ладно тебе, Вася, что-то ты сегодня особенный...

Чернокотов

Я всегда особенный. Я всегда униженный и оскорбленный... Погляди, Федот Петрузов... Не узнать его... Изгибается в поклоне (понизив голос), вот беда, наш разжиревший мужичок первым делом старается с богатыми знатными евреями подружиться... Это и есть наше нынешнее дворянство... Помнишь, как Суворов просил произвести его в немцы... Так вот, примут тебя сейчас в евреи, значит, тебе повезло.

Труш (оглядывается, улыбается).

Ладно тебе, Вася...

Соскис (седой, толстый, с крепким затылком. Входит).

Ну что, все в сборе? Здравствуйте...

Труш

Самого именинника нету, Михаил Залманович. И дамы отсутствуют... Эдемский, очевидно, с дамами явится, как всегда.

Чернокотов (громко)

То ли дело, Михаил Залманович, Федот Петрузов... Обратите внимание, явился точно с ударами часов на Спасской башне Кремля.

Вартаньянц (Чернокотову)

Остричь будете в подворотне с собутыльниками.

Чернокотов

Я непьющий, товарищ Вартаньянц. Это поклеп кто-то из завистников возвел... А если что не так, извините... Я человек темный, из мужиков... Жан-Жака Руссо до половины только одолел. А к Вольтеру и вовсе еще не приступил.

Вартаньянц (Соскису)

Можно вас, Михаил Залманович (берет его об руку, и они отходят в сторону, о чем-то разговаривая шепотом).

Петрузов (Лобачеву)

Надеюсь, литгенерала нас ждать не заставят.

Лобачев

А что, ожидают кого-то из знатных?

Петрузов

Хомятов должен быть, Алексей Иванович. Я даже слышал, сочинение Эдемского ему как-будто понравилось... Хотя должен признаться, и я не вовсе его отвергаю... То есть не во всем... Конечно, это не может быть принято, это бесперспективно и в идейном смысле туманно, но как попытка обнаружить в Достоевском новые антирелигиозные демократические тенденции... Труш, тот с пеной у рта против... Но тут надо подумать...

Лобачев

Прежде всего интересна постановка вопроса. Почему Достоевский самый популярный писатель двадцатого века? И в действительности ли он самый русский из всех на-ших великих писателей, как изволил заметить один из шумных критиков прошлого и как воспринимают ныне Достоевского на Западе...

Разговаривая, они отходят.

Чернокотов (Трушу, негромко)

Его превосходительство Хомятов изволят прибыть... Наши знатные полуправительственные мужички, особенно из деревенских, весьма большие любители еврейских женщин... Женятся, заводят в доме еврейский уют... Обед всегда вовремя и обязательно на бархатной скатерти... Вместо водки наливочку в лафитниках. Я бывал в таких домах... Раньше, когда подавал надежды (улыбается). Теперь я туда не вхож... Всегда в этих домах пахнет чем-то сладким, каким-то сладким соусом... И детки с выпуклыми математическими лбами. Откуда от мужика с бычьей шеей и голубыми глазами такой приплод?.. А мужик наш двигается боком, все боком, как бы чего не раздавить, в собственной спальне ведет себя, как на закордонном дипломатическом приеме — как бы глупость не сморозить...

Труш

Ты, может, домой пойдешь, Вася? А то развезло тебя, я вижу, в духоте... Зачем пить с утра?..

Чернокотов

И ты. Элем, туда же... Я выпил, это верно, но я не пьян... Меня день и ночь та же тоска о потерянной правде мучает, которая Федора Михайловича терзала.

Труш

Я, Вася, в том смысле, что ты сам себе очень навредишь.

Чернокотов

Это верно... Мстить они умеют. Мстят хитро и жестоко... Но и мы ведь не из чурбана вырезаны... Мы арийцы, как любил повторять Федор Михайлович... Мы тоже в жизни ориентируемся...

С о с к и с (подходя)

Все спорит молодежь... Я когда думаю о молодежи, всегда вспоминаю Шиллера... У него при перечислении действующих лиц дан исчерпывающий анализ молодости... Сказано: молодые люди, потом — разбойники.

Труш

У Шиллера сказано — развратные молодые люди, потом — разбойники.

Чернокотов

Михаил Залманович, русский человек, как бы на него ни клеветали, ненавидит разврат. Но он не верит и в зарубежную католическую добродетель... В мировой литературе нет более пылкой и прекрасной женщины, чем бледненькая Соня Мармеладова... Нет более целомудренной... Помните, Михаил Залманович, мое сочинение на втором курсе... За полгода до отчисления.

Соскис

Оно, кажется, называлось „Соня Мармеладова — Венера петербургская". Ну и влетело же мне тогда за вас, теперь уже можно признаться.

Чернокотов

Вам, Михаил Залманович, вообще за меня достается... По-моему, и сейчас Вартаньянц обо мне вам выговаривал.

Соскис

Да, но я обещал, что вы будете вести себя прилично... Вы талантливый человек, Вася. К чему вам эта скандальная репутация?

Чернокотов

Ах, Михаил Залманович, под скандальной репутацией у нас понимают, как заметил Федор Михайлович, давнишний исторический испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности... Вопрос непростой, но разрешимый. Если бы все, кто нам противостоит, напоминали бы вас, Михаил Залманович... Помните, у Достоевского похороны „общечеловека"? Вы мне доктора Гинденбурга напоминаете, святого общечеловека. Помните, как его всем городом в последний путь?.. И он лежал в гробу в стареньком вицмундире. Старым платком была обвязана его голова, эта „милая голова", как пишет Федор Михайлович. Вспомнишь, просто до слез...

Соскис

Вы мне льстите... Лесть, или, лучше сказать, снисходительность, не всегда порок, но чаще всего добродетель, особенно в молодые годы. Жан-Жак Руссо... (Смеется)

Чернокотов

Вы, Михаил Залманович, передвижная энциклопедия — и большая и малая... А как Ревекка Семеновна, как девочки?

Соскис

Спасибо... Мы вас недавно вспоминали. Вам бы опять попытаться в университет. Я хоть и не работаю теперь там, но мог бы помочь... Главное, Вася, вам жизнь наладить, тогда озлобление пройдет.

Чернокотов

Для того чтобы исчезло озлобление, необходимо счастье... А русскому думающему человеку очень трудно быть сегодня счастливым...

Соскис

Опять двадцать пять...

Чернокотов

Вернее, сорок восемь...

Труш

Явились, наконец (кивком показывает на вошедших Эдемского, Жуовьяна, Колмакову и Карабинович).

СОСКИС (Эдемскому, сердито).

Мы вас ждем уже полчаса... Весь редсовет в полном составе.

Колмакова

Это я виновата, он за мной заехал, а у меня мама болеет. Задержались.

Карабинович

Не надо скандалить до начала полемики, дорогой Михаил Залманович... Простите и полюбите нас и помилуйте.

Соскис

Вас я всегда готов прощать и миловать, дорогая Зоя Константиновна. (к Жуовьяну) А вы по какому поводу?

Эдемский.

Это мой товарищ по университету, литературовед. Я хотел бы, чтобы он присутствовал на обсуждении.

Карабинович.

Михаил Залманович, Сережа Жуовьян хоть и с крайностями, но в остальном очень милый и толковый человек... Я настолько в том уверена, что говорю об этом в его присутствии.

Соскис

Жуовьян... Что-то припоминаю... Даже помню вас... Это вы...

Жуовьян

Нет, нет...

Соскис

Что?

Жуовьян

Вы ошибаетесь... Я не армянин, а русский... Вернее, дед мой — обрусевший бельгиец...

Соскис (смотрит некоторое время на Жуовьяна)

Только ради Бога без крайностей, о которых Зоя Константиновна говорила...

Эдемский (Жуовьяну, тихо)

Сереза, и черный кот здесь... Работать он сюда устроился, что ли?..

Жуовьян

Я слышал, он под следствием находился, по делу о каком-то рукописном издании славянофилов... Но вряд ли что-нибудь серьезное, иначе его Вартаньянц не пригласил бы...

Эдемский

Это не Вартаньянц... Эго Соскис, пожалуй, пригласил...

Колмакова (наклонившись, тихо Эдемскому)

Рома, с минуты на минуту должен приехать Хомятов.

Эдемский (раздраженно)

Ну, и что?..

Колмакова.

Странный ты, это наш единственный шанс...

Чернокотов (тихо)

И Жидовьян здесь... Я с ним на первом курсе дрался...

Труш

Тише ты, Вася, не шуми.

Чернокотов

Да черт с ним... Бесовье биробиджанское... Посмотри лучше, какая девочка сидит, только сейчас заметил... Бледненькая, ясноглазая, лишь волосы не русые, а темные... А может, и у

Сонечки Мармеладовой волосы были не русые, а темные... Это от татар у нас... А бледность лица и ясные глаза — северное... Наше... Посмотри, вон она, Венера Петербургская...

Труш

Это стенографистка.

Чернокотов

Всего-навсего? Но я хочу с ней рядом сесть...

Труш

Перестань дурить.

Чернокотов

Чуть у нас сердечная невинность, сразу мы дурим... Здравствуйте, Сонечка...

Сашенька

Меня Саша зовут.

Чернокотов

Явное недоразумение. Ваши родители не читали Достоевского. Но вы в этом не виновны... Как сказано — в убийстве отца невиновен... Да... Можно рядом с вами?

Сашенька

Садитесь, мне все равно.

Ирина Моисеевна

Только не мешайте ей работать.

Чернокотов

Вы ее опекунша?

Труш

Хватит тебе, Вася.

Чернокотов (Ирине Моисеевне)

Мешать я ей не буду, но разрешите мне изредка на нее молча поглядывать. (К Сашеньке.) Вы не возражаете?

Сашенька

Смотрите, мне-то что...

Чернокотов

Я буду смотреть на вас с ожиданием... По-собачьи... У собаки всегда ожидание во взгляде...

Вартаньянц

Будем начинать, товарищи... Пожалуйста, Михаил Залманович...

Соскис

Товарищи, нам предстоит обсудить работу Романа Эдемского „Атеизм Достоевского“...

Труш

И подзаголовок...

Соскис

Что?

Труш

Я говорю, подзаголовок также весьма важен: „Духовные поиски, или научный психоанализ“.

Соскис

Да, именно, с подобным подзаголовком... Слово предоставляется редактору Ольге Юрьевне Колмаковой.

Труш

Извините, Михаил Залманович, и вы, Ольга Юрьевна, хоть это и в нарушение распорядка, я бы все-таки попросил слова для короткой реплики.

Соскис

Ну, что ж... Поскольку обсуждение у нас сегодня вообще необычное... Только коротко, Элем...

Труш

Считаю своим долгом заявить — уже само наименование этого сочинения, не говоря о его подзаголовке, дает повод обвинить Р. Эдемского в том, что он упростил идейную проблематику Достоевского, в лучшем случае не разобравшись в ней и оказавшись в положении некоего персонажа Крылова...

Чернокотов

Публично критикующего слона.

Жуовьян

Только без заборной полемики...

Труш

Я не тот персонаж имел в виду, товарищ не понял...

Соскис

Просьба не выкрикивать с места и не перебивать.

Чернокотов

Правильно!

Труш

В недобрые времена культа личности, когда наш русский гений Федор Михайлович Достоевский был лакейски распят на кресте догматических формулировок эрудитами типа Степана Тимофеевича Верховенского...

Жуовьян

Это исключительно по социальной и литературной безграмотности.

Соскис

Повторяю, просьба, с мест не выкрикивать.

Петрузов

К вашему сведению, в тридцатые и сороковые годы Достоевский издавался огромными тиражами наряду с другими представителями критического реализма. Так что я в какой-то степени согласен с Жуовьяном... Перегибы, конечно, были. По безграмотности кое-кто Достоевского отталкивал тогда.

Соскис

До чего ж неорганизованный народ.

Чернокотов

А вы, Михаил Залманович, не нервничайте...

Петрузов

Интересно, что враги поняли Достоевского раньше, чем друзья. Французские националисты-католики, например, прямо заявляли, что Достоевский проповедует большевизм... Не социализм даже, не социал-демократию, а именно большевизм...

Вартаньянц

Товарищи, просьба не отвлекаться от темы.

Чернокотов

Поскольку Достоевский бессмертен, будем считать, что он ныне заживо реабилитирован (смеется. К Сашеньке). Вот так мы умеем посторонних смешить... Друг друга по зубам... Вон оно русское решение вопросов.

Сашенька

Перестаньте мне мешать (к Трушу). Простите, повторите, пожалуйста, фамилию.

Чернокотов

Верховенский Степан Тимофеевич... Это из „Бесов“.

Труш

Так как всякое мое слово вызывает возражения некоторых лиц, я позволю себе прочитать первую страницу сочинения Эдемского... Первоисточник.

Колмакова

Все присутствующие здесь читали... И с вашей стороны это уже не реплика, а выступление.

Труш

Во-первых, читали не все. А во-вторых, если и читали, то давно... Редсовет дважды переносился... Неплохо бы освежить в памяти... Итак, читаю: „Сегодня Достоевский заслоняет собой всю великую российскую литературу девятнадцатого века, не вбирает в себя, не венчает, а именно заслоняет, как тень. Ему удастся заслонить даже Толстого. Еще в большей степени самого Пушкина. Только Чехову, как это ни странно на первый взгляд, удается протиснуться и встать рядом. Все же остальное почитается, но отодвинуто. Или, что хуже того, вся российская литература девятнадцатого века ныне воспринимается под углом зрения Достоевского и через Достоевского. И у нас и на Западе". Конец цитаты... Казалось бы, радоваться надо и благодарить, что интерес к Достоевскому пробудил на Западе интерес к русской литературе. Ан нет, и здесь недовольство...

Монцевич (старичок с профессорской внешностью и аппетитными губами гурмана)

М-да... Хе... Фи... Эп... эп... Очень верное наблюдение... Я в том смысле, что согласен с автором, а не с его оппонентом. Студенты всегда охотнее занимаются Достоевским... А Гончаров, например, или Фет... Тут пробелы неуспеваемости... Это... Хе... Фи... Эп... Тут верное наблюдение.

Шмулер - Дийсный

(лекторским говорком, в котором чувствуется привычка не выступать, а подводить итог).

У меня вообще только в юности был любимый писатель... В зрелости у меня любимого писателя не стало. Сегодня мне нужен Толстой, завтра Фет, потом Пушкин, в пятницу Достоевский, а в субботу опять тот же Фет.

Открывается дверь и появляется запыхавшийся Кугушев.

Кугушев

(молодой человек, одетый модно и с достатком, при русой бородке и усиках и чем-то напоминающий Чернокотова по облику).

Прошу прощения за опоздание. Общий поклон.

Соскис

Вы так редко ходите к нам на редсоветы, Олег Андреевич, что мы о вас уже забывать начали.

Кугушев (разводит руками)

Все дела, Михаил Залманович... Я и сегодня был занят... Но Достоевский... И, наконец, работа достаточно своеобразна.

Труш

По крайней мере, шумна.

Вартаньянц

Олег Андреевич, товарищи... Работа нам предстоит трудная. Давайте не отвлекаться.

Труш

Я кончаю (заглядывает в рукопись, листает). Это все пропустим, это общие места... Вот он, гвоздь сезона, как говорит газета „Советский спорт“ (цитирует). „В последнее время, то есть где-то с начала века Запад все время норовит назначить России „русского гения“... Но если возвышение Достоевского, ставшее неизбежным после всемирной подмены духовных поисков научным психоанализом, носит все же трагический характер, то подобные же явления в наше время напоминают уже фарс...“ Выходит, русского гения Достоевского нет... Есть некий Достоевский, доставленный с Запада в plombированном вагоне...

Колмакова

Только не надо передергивать.

Труш

А про нынешний фарс... На кого это намекается, против кого выпад?..

Вартаньянц (поспешно и сердито)

Давайте не заниматься дразгами, Элем Анатольевич, вы меня извините... И если Запад пытается присоединить к Достоевскому нынешних литературных оборотней, то давайте не будем этому способствовать...

Карабинович

И давайте все-таки обойдемся без домыслов. Раз вы взялись читать текст, читайте его без комментариев.

Труш

Без комментариев текст читается диктором. А поскольку дикция у меня недостаточно хороша, то я уж как-нибудь так... по-своему...

Чернокотов

Правильно, Элем... Вы согласны, Сашенька?

Ирина Моисеевна

Товарищ, не мешайте работать.

Труш

Достоевский как художник — величайший гуманист всех времен и народов — выстрадал право быть совестью униженных и угнетенных... И потому исказить Достоевского в угоду собственной корысти, по меньшей мере, кощунственно.

Соскис

Вы кончили. Элем Анатольевич?

Труш

В общих чертах... Но я еще буду выступать.

Соскис

Пожалуйста, Ольга Юрьевна.

Колмакова

Я помню, с каким интересом было встречено появление данного автора у нас... То есть я имею в виду его замысел. Он был тогда единодушно одобрен.

Труш

Не надо гиперболизировать. И я, и Михаил Залманович Соскис с самого начала видели в этом грубую вульгаризацию.

Колмакова

Во всяком случае, большинство было за. И Лобачев Георгий Исаевич, и Петрузов Федот Тимофеевич, и Кугушев Олег Андреевич, и вот Зоя Константиновна, да и сам Павел Дмитриевич Вартаньянц...

Вартаньянц

Извините, уважаемая Ольга Юрьевна, давайте будем говорить не о том, что было, а о том, что есть.

Чернокотов

Правильно.

Труш

Ладно тебе, Вася...

Колмакова

Так что же есть, если уж так прямо ставить вопрос... Есть, на мой взгляд, талантливая, хоть и спорная работа, исследующая новые, неисследованные области творчества Достоевского.

Труш

Это исследование имеет своим предтечей исследование одной француженки об угловых домах, в которых жил Достоевский. Достоевский, мол, стремился нанять комнату всегда в угловом доме... Этому посвящена целая монография... В угловых домах человек, мол, не чувствует себя в ряду, у него впечатление разъединения... Угловой дом как символ духовной свободы (смех).

Колмакова

Я не вижу у нашего автора ничего общего с этой, действительно, нелепой теорией. Эдемский прикасается к глубинам трагизма в мыслях Достоевского.

Труш

Правильнее было бы сказать „к истокам“, по крайней мере, это по-русски...

Карабинович

Пора прекратить все выкрики с мест.

Колмакова

Иван Карамазов и Раскольников, как правильно заметил автор, две основные фигуры творчества Достоевского. Это по-настоящему глубокие и цельные атеистические фигуры... Это фигуры, напрочь отрицающие Бога...

Чернокотов

Автор-то заметил... А вы сами что заметили?

Вартаньянц

Я в последний раз вас предупреждаю, Чернокотов.

Чернокотов

Ведь я не один с места... Здесь творческая полемика. Почему же ко мне такое отношение?

Труш

Ладно, тише, Вася...

Колмакова

Достоевский пришел к атеизму не из изучения философских воззрений, а, главным образом, самонаблюдением. Он пришел к атеизму не разумом, а наощупь. В этом его сила и в этом его слабость.

Труш

Во время культа личности нам внушали, что Пушкин декабрист, а Герцен марксист. Теперь новое открытие: Достоевский — диалектический материалист... Чуть ли не заводделом пропаганды и агитации.

Жуовьян

Судить о всякой работе нужно по самой работе, а не по тому, как она понята даже и теми, кто ее положительно оценивает.

Колмакова

Я считаю, что мое понимание во многом близко авторскому, за исключением частных, по которым я с автором не согласна... Я, например, не согласна, что главная тайна человека вне

человека... Это и туманно и неверно. Однако в целом я считаю работу интересной и „за“ обеими руками.

Эдемский

Но ведь это не частность, а основа основ... Это, может быть, ключ к моему пониманию творчества Достоевского... В человеке или вне человека главная тайна... Русские мальчишки, это любимое выражение Достоевского, русские мальчишки в грязных трактирах, решающие мировые божеские вопросы.

Чернокотов

Именно русские мальчишки... В том-то и дело, что русские...

Эдемский

Им не терпится оставить дела человеческие, которые для них — будни, и заняться божескими... Тем не менее, я не могу согласиться с Бердяевым в том, что Толстой обращен к устоявшемуся прошлому, в то время как Достоевский — к невидимому грядущему... Достоевский постигает тайну Божью через тайну человеческую, утверждает Бердяев... Но доступна ли ему тайна человеческая? Доступна ли она художнику, который, по собственному выражению Бердяева, был начисто лишен дара перевоплощения, ибо для того, кто лишен дара перевоплощения, не только грядущее, но и нынешнее возможно только в лабораторной колбе... Явление же в наши дни многих его пророчеств не более, чем оптический обман, рассеивающийся при более внимательном и вдумчивом рассмотрении.

Петрузов

Не во всем я согласен, но насчет пророчеств верно. Это не более, чем пасквили типа „Бесы“. И недаром Максим Горький...

Соскис

Оставим в покое авторитет Алексея Максимовича... Давайте все-таки не перебивать автора... Выслушаем до конца, чтобы решить дальнейшее.

Эдемский

И еще более важно, можно ли всерьез говорить о пророчествах художника, который не ощущал двупольность человеческого существа, прекрасно переданных немецким философом Яковом Беме. Достоевский единственный из значительных русских литераторов девятнадцатого века, кому была недоступна женская судьба... Ощущая одно лишь мужское начало и будучи начисто лишен доступа к началу женскому, он неизбежно должен был прийти к антихристианской теме свободы как основного вопроса человеческого бытия и к преступлению без наказания Раскольникова. Только ощущение в личности обоих начал, мужского и женского, дает любовь. Однополярная личность жаждет только свободы, а высшее проявление свободы есть убийство... Двупольность личности чувствовал Толстой... Однополярность же ведет к преступлению без наказания... (Шум, оживление.) Убийство есть стандартное преступление в человеческой истории еще со времен Каина, но Раскольников совершил качественно новое убийство и стремился к качественно новой свободе, убийство двадцатого века, основанное не на личном эмоциональном порыве, то есть на том единственном, что если не оправдывает, то хотя бы объясняет убийство, а убийство, основанное на личном теоретическом доктринерстве, убийство, которое сперва совершается в

теории, а затем осуществляется на практике, оно становится особенно понятным в свете того ультиматума, который предъявляет Иван Христу, а через него Богу: если нет бессмертия — значит, мировой процесс не имеет смысла... А если нет смысла — значит, все позволено, ибо единственное, что твердо видит личность в своем будущем, — это свою могилу... Эта мысль часто являлась людям в виде соблазна и в прошлом, но в двадцатом веке эта мысль стала во главе угла (Эдемский говорит все более торопливо и возбужденно). Двадцатый век — это век однопольности человеческого существа, отделение друг от друга мужского и женского начала, что привело к бурному развитию наук и оскудению моральных ценностей.

Труш

Это Достоевский-то научный писатель?!

Эдемский

Достоевский есть всестороннее воплощение идеального ревизионизма... Об этом позднее и подробнее, но суть ревизионизма в том, что он прокликает и отвергает нечто, опираясь на отвергаемое и прокликаемое... Достоевский это вторжение научных методов мышления в духовное... Недаром Достоевским восхищались знаменитые ученые Эйнштейн, Фрейд... Творчество Достоевского — это, действительно, рождение душ двадцатого века. Но душ вне плоти... Душ, выраженных не через характер, а через идею...

Кугушев

Вы хотите сказать, через типаж, а не через характер... Но, может, это не Достоевский отменил характер... Может, проблемы, которых касался Достоевский, требовали не характера, а типажа... Может быть, наше время, а Достоевский отражал под масками девятнадцатого века именно наше время, даже не начало двадцатого века, а именно наше время, может быть, наше время заменило характер типажом, и в этом художественное прозрение Достоевского... Коллективное, массовое существование даже крайнему индивидуалисту вместо характера оставляет только типаж. А типаж не требует плоти.

Эдемский

С этим я отчасти могу согласиться.

Кугушев

Что значит „отчасти“?

Эдемский

Отчасти — это значит, что при однопольности человека характер не требуется... Суть его может быть выявлена и без участия плоти.

Кугушев

Но тому, кто дошел до пределов отчаяния, ни к чему плоть... Достоевский не видит иного пути спасения, как отказ личности от самого себя... Человек никогда не бывает ближе к Богу, чем тогда, когда он доходит до пределов отчаяния.

Эдемский

Да, но это бог потребителя и неудачника... Это бог индивидуалиста... Индивидуалист подходит к такому богу всегда как вымогатель... Человек наиболее близок к подлинному Богу, когда он менее всего думает о нем, трудясь для земли, а не для себя.

Кугушев

Но лишь от запутавшегося человека можно ждать вопля о помощи: „Господи, к кому же нам идти... У тебя глаголы жизни вечной..." Лишь будучи выброшен из человеческого общества, Раскольников встретился с Евангелием.

Эдемский

При взаимном милосердии неба и человека небо доступно даже и преступнику... Вы же, следуя Достоевскому, доказываете, что по-настоящему небо доступно только преступнику...

Кугушев

Есть, конечно, известная запутанность, ее допускал и Достоевский... Культура предлагает обычно прямые пути... Но пути извилистые и есть пути гения.

Жуовьян

Это цитата?

Кугушев

Да, но чья, не помню.

Вартаньянц

Позвольте мне все-таки вмешаться в ваш богословский спор... Несмотря на то, что Михаил Залманович просил не прерывать автора, я теперь жалею, что не сделал этого, хоть всегда уважал мнение Михаила Залмановича... А вы, Олег Андреевич... Странно, странно, вот уж не ожидал.

Соскис

А я не жалею, что дали автору высказаться... Пора, наконец, поставить точки над „и“.

Труш

Во-первых, явное противоречие. Сперва автор отказывает Достоевскому в пророческом даре, а затем говорит, что некоторые пророчества все-таки сбылись в двадцатом веке.

Эдемский

Сбылись некоторые его не сознательные, а бессознательные пророчества... Те, которые как раз противоречили его сознательному мировоззрению.

Лобачев

Так чаще всего и бывает.

Эдемский

Но Достоевский весьма редко бывает бессознателен. Даже мистика его научна.

Вартаньянц

Я все-таки продолжу свою мысль. До выступления автора было нелегко, но после его выступления стало еще хуже. Вы знаете, что я в отличие от Михаила Залмановича Соскиса был одним из сторонников установления с автором договорно-финансовых отношений. Приходится публично признать, что автор не оправдал наших надежд.

Карабинович

В этой нервной обстановке, Павел Дмитриевич, при наличии, мягко выражаясь, нетактичного по-ведению со стороны некоторых лиц, автор, естественно, мог высказать ряд непродуманных, весьма спорных мыслей. Но ведь и вы, Павел Дмитриевич, и Алексей Иванович Хомятов, с которым я говорила по телефону и который обещал присутствовать сегодня, но, к сожалению...

Вартаньянц

Извините за то, что перебиваю вас, Зоя Константиновна, не к сожалению, а к счастью... Если бы Алексей Иванович услышал данное высказывание автора... Во-первых, бердяевщина... Выкапывание политических и литературных трупов...

Карабинович

Но автор спорит с Бердяевым...

Вартаньянц

Не во всем... А там, где он спорит, становится еще хуже... Там является мистицизм, дуализм, Беме, Фрейд... В общем, у автора известный хаос в голове...

Колмакова

О Фрейде он упоминает также в отрицательном смысле.

Вартаньянц

Ольга Юрьевна, мы ведь тоже кое-что знаем и кое в чем разбираемся... Его нелепая концепция о мужском и женском начале типично фрейдистская.

Карабинович

Но ведь пафос работы не в том... Да, высшим аргументом нравственных исканий и антитез в романах Достоевского была религия. Но это было не официальное церковное христианство, а христианство „Нагорной проповеди“, по существу, чуждое мистицизма, по существу, антирелигиозное, атеистическое... Об этом и говорил Алексей Иванович.

Эдемский

Достоевский совершенно не понимал „Нагорной проповеди“... Что же касается Зигмунда Фрейда, то в науке и медицине его достижения бесспорны... Это не что иное, как механизация и научное освоение духовной тайны, разумеется, в самой незначительной ее части... Фрейдизм — это сознательная жертва... Жертва недоступного для практического применения духовного

целого, бесконечного и необъятного, ради каждодневного частного, пригодного для использования и врачевания... Пригодного к практической жизни... Повторяю, в науке такая жертва оправдана и плодотворна, но в сфере духовного она хоть и приводит к временным успехам и открытиям, к освоению духовного посредством психоанализа. но при более внимательном и продолжительном рассмотрении открытия эти оказываются ничем иным как попыткой материализации и заземления высшего и небесного...

Соскис (улыбнувшись)

Странная формулировка... Станный упрек Федору Михайловичу... Вот видите, Зоя Константиновна, вы пытаетесь все это нам приукрасить, а сам объект ваших стараний все тут же разрушает... Сизифов труд.

Колмакова (тихо, Эдемскому)

Замолчи. (к Жуовьяну.) Сережа, возьми его за руку и дерни крепко. Пусть молчит. И так напортил хуже любого врага.

Карабинович

Дело не в том, что сейчас в этой обстановке выкрикивает с места автор. Человек он сложный, многих он раздражает. Но я хотела бы сказать, что Хомятов, Алексей Иванович, совершенно верно подметил...

Звонит телефон.

Вартаньянц

Простите... Вера Степановна, возьмите трубку.

Вера Степановна (приоткрыв дверь)

Вас, Павел Дмитриевич, Бэла Николаевна.

Вартаньянц (морщась, берет трубку)

Да... Хоро-шо... Бэлочка, у нас сейчас совещание... Таблетки я принял... Позвони позже... Бэлочка, я не могу сейчас с тобой говорить... Всего... (Вешает трубку. Карабинович.) Прошу вас...

Карабинович

Алексей Иванович Хомятов совершенно правильно подметил, и я с ним совершенно согласна, что Эдемский в лучших своих местах касается темы, затронутой самим Федором Михайловичем Достоевским в набросках „Социализм и христианство": потеря человеком непосредственных ощущений при полном сознании — вот источник трагедии. И Раскольников, и Версилов, и Иван Карамазов, и Человек из подполья именно таковы. Мне только непонятно, почему автор в полемическом задоре, что ли, отказывается от собственных воззрений.

Жуовьян

Автор от своих воззрений не отказывается, ибо потеря непосредственных ощущений при полном сознании и есть потеря Бога без приобретения чего-нибудь взамен. Сама жизнь такого человека скорее напоминает научный эксперимент, а не таинство... Таковы все герои Достоевского...

Лобачев

Но подход ваш здесь предвзят и односторонен. Я это говорю несмотря на то, что не только не перечеркиваю работу, но считаю ее во многом плодотворной и приветствую, если не крайние ее выводы, то, во всяком случае, сам факт ее появления... Насколько я помню статью „Социализм и христианство“, там сказано примерно так: „Если б не было указано человеку в этом состоянии цели, то он бы сошел с ума всем человечеством“. Значит, утверждение потери Достоевским Бога без чего-нибудь взамен несерьезно.

Вартаньянц

Давайте все-таки поговорим о термине „Бог“.

Труш (саркастически улыбаясь)

Павел Дмитриевич, не думаю, что кто-либо сидящий здесь, вкладывает в термин „Бог“ иное понятие, чем указано в кратком словаре по философии... Бог — это термин, расположенный в алфавитном порядке между термином „Благо“ и термином „Буржуазия“,

Чернокотов

Это все не русские слова... У нас не „Бог“, а „Господь“... Я надеюсь, Сашенька, что вы термин „бог“ пишете с маленькой буквы?

Сашенька

Не мешайте работать, прошу вас.

Чернокотов

Молчу, молчу... Молчу и испаряюсь...

Жуовьян

Когда я говорю о потере Достоевским Бога без приобретения чего-либо взамен, то имею в виду цели равнозначной... В огненных словах Ивана ощущается подспудно удивление и возмущение бесполезностью для смертной человеческой личности проповедей Христа... Личностью Христа Достоевский хоть временами, но восхищался, проповедями же Христа — никогда... Религиозные споры Достоевского вообще производят несерьезное впечатление. Недаром „Великий Инквизитор“ не диалог, а монолог... Да и может ли быть спор между апокалипсическим человеком Иваном, самым глубоким и искренним характером Достоевского, и самым неинтересным и малохудожественным образом Достоевского — Алешей... Два одинаковых выкрика Алеши о неверии в Бога сначала инквизитора, потом его создателя Ивана, вот и вся его ценность... Два выкрика, оставшихся фактически без ответа, это прямая материализация безмолвных ночных выкриков Достоевского самому себе... Два выкрика и два юношеских поцелуя. Один устами безмолвного, а, значит, кастрированного Христа, ибо основа Христа — это слово, а не дело и не распятие. Другой устами впадающего в малохудожественную риторику Алеши... Я говорю несколько хаотично, но раз уж коснулся, давайте и другие случаи вспомним. У меня записано (он торопливо порылся в бумагах). Вот разговор Ставрогина с Шатовым из „Бесов“... «В то время, как вы насаждали в моем сердце Бога и родину, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка Кириллова ядом"... Здесь, собственно, ценно стоящие рядом „Бог“ и „родина"... Прошу заметить... И далее: „Вы атеист? — спрашивает Шатов Ставрогина... Да... А тогда?... Точно так же, как и тогда". Атеист, насаждающий Бога. Кто же этот Бог? Что же этот Бог... И далее говорит Шатов: „Вы помните

выражение ваше: атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским". То есть понятие „атеист" и понятие „антипатриот" совпадают... Здесь не о религиозном, а о национальном речь... Далее, ставшая уже в известной степени хрестоматийной фраза о том, что лучше остаться с Христом, чем с истиной, если истина вне Христа... Кто же этот Христос? Вернее, что же этот Христос? И о какой же безусловно мировой истине идет речь? Несколькоими строками ниже об этом уже прямо сказано... Отрицание общего Бога, цель народа в искании своего Бога, национальное богоискательство, отрицание общего понятия о добре и зле, утверждение своего национального понятия о добре и зле не в некоей таинственной мистической форме, а в прямой лозунговой, чуть ли не митинговой... Достоевский вообще гораздо более целен и более ясен, чем его пытаются представить почитатели, особенно такие, как Мережковский и Розанов.

Соскис

А как же такие почитатели, как Альберт Эйнштейн, для которого глубина Великого Инквизитора дала, по его словам, больше, чем математика Гаусса.

Жуовьян

Эйнштейн был естественник. Вряд ли такой дошедший до конца разум, как Эйнштейн, способен быть авторитетом в вопросах нравственности. Не в бытовом, конечно, смысле нравственных... Высокая нравственность не терпит разума, дошедшего до конца. Это уже буддийская нравственность, нравственность расчленения и перегноя... Достоевский художественен, когда он целен, а не расщеплен... Когда он целен, то иногда интересен, хоть и нелюбим мной. Когда же он расщеплен, то и нелюбим и всегда неинтересен.

Труш

Наконец-то важное признание, вы Достоевского не любите.

Чернокотов (со злобой)

Какая там нелюбовь... это, Элем, черная ненависть к нашему русскому гению.

Жуовьян

Я Достоевского не люблю и не считаю это преступлением. Так же как не любил, даже ненавидел его архирусский писатель Бунин. Да и вряд ли его мог любить, в конечном итоге, а не в текущих взаимоотношениях и эмоциональных моментах, любой из святых литераторов девятнадцатого века.

Лобачев

А чтение Толстым „Карамазовых" в день смерти, на смертном ложе?

Жуовьян

Признак предсмертного душевного хаоса.

Лобачев

Ну, от вас я ожидал более удачного аргумента. И что вообще это за странные категории в определении такого высокого, чуть ли не природного явления, как Достоевский... Люблю — не люблю...

Жуовьян

Да, я не люблю Достоевского той несерьезной, может быть, с высоких позиций, но дорогой мне, домашней любовью, как я люблю, например, Пушкина... Помимо высокой любви к Пушкину, у меня есть к нему любовь домашняя, личная... А Достоевского я домашней этой любовью не люблю, но он бывает мне интересен, особенно не в мистичные его моменты. Это мистицизм политический, то, что в средневековье противостояло религии. Мистицизм Достоевского, как всегда, есть следствие отчаяния, чаще всего — отчаяния перед грядущей могилой. Тогда и возникает неприязнь, даже ненависть к натуральному материализму... К комьям земли, к кладбищенским соловьям, к мгновенному обесцениванию своего тела, которое еще недавно было так дорого всем близким и любящим... Для сознательного, потерявшего непосредственное ощущение апокалипсичного человека мысль о смерти ужаснее пытки раскаленным железом... Такую мысль без религиозного чувства выдержать невозможно. Тут уж невольно предъявишь ультиматум и Богу, и Христу... Попытаешься стать Наполеоном, чтобы отомстить Богу за начиненный смертью, как пирог яблоками, Божий мир...

Вартаньянц (нервно Жуовьяну)

Либо говорите по существу, либо не занимайте дорогое нам время (к Ирине Моисеевне). Это выступление можно не стенографировать, товарищ не член редсовета...

Ирина Моисеевна (Сашеньке)

Эту страницу вычеркните.

Жуовьян

Я все-таки закончу, хоть и не под стенограмму... Итак, Шатов — Ставрогин... Мечта о создании русским народом своего Бога... Мечта о русской религии... Наполеоновская мечта. Не только петербургского Наполеона — Раскольникова, но также несбывшаяся мечта парижского Наполеона... Мечта увидеть себя с алкораном на белом коне... Мечта о превращении России в новую Палестину, а Петербурга, вернее Москвы — в Новый Иерусалим... Мечта о новом русском Христе, который русскую землю обойдет, благословляя...

Чернокотов

Хватит здесь вести семитскую пропаганду (силится встать, но его удерживает Труш). Залман, то есть Михаил Залманович, вы уж вмешайтесь... По-интернациональному.

Петрузов (наклонившись к Чернокотову)

Перестань, Вася... Ты ставишь Соскиса в неловкое положение.

Жуовьян (указывая пальцем на Чернокотова)

Вот оно наяву — трактирное словоблудие.

Соскис (Жуовьяну)

Прекратите грубить... Вам разрешили присутствовать здесь по просьбе вашего товарища, не подводите его. Мы ведь можем прервать редсовет, оснований более чем достаточно.

Колмакова (Жуовьяну)

Садитесь, Сережа.

Петрузов (Чернокотову)

Уймись, Вася.

Чернокотов (которого явно развезло в духоте)

Я не только интернационалист, но даже унтер-националист и обер-националист (смеется).
(Петрузов безнадежно машет рукой.)

Кугушев

Разрешите мне.

Жуовьян

Но я еще не кончил.

Кугушев

У меня пока не выступление, а вопрос к вам... Вовсе не желая перечеркнуть всего вами сказанного, я хочу спросить, почему вы отказываете Достоевскому в праве мечтать о создании русским народом своей идеи или своего Бога, употребим этот удобный термин, так же, как в свое время создали свою идею Бога древние греки или древние евреи?

Чернокотов

Ну, старикам везде у нас почет... Молодым везде у нас дорога... Милости просим... А русский человек пусть скот пасет...

Труш

Давай выйдем, Вася, проветримся.

Чернокотов

Я молчу... Все... Глух и нем... Вернее, нем, но не глух, мотаю на ус.

Жуовьян

Достоевский прямо заявляет, что если бы перед ним возник выбор — атеизм и социализм или римское католичество, то он бы выбрал атеизм и социализм... Идея же римского католичества была совершенно ясна Достоевскому, и я не могу согласиться с теми, кто пытается доказать, будто Достоевский понимал ее превратно... Идея католичества — это преобладание религиозного над национальным. Это наибольшее приближение в христианстве юдаистической идеи, в которой религия на века не то что подавила, но даже подменила национальную жизнь целого народа.

Чернокотов

Подлейшая идея... Биробиджанская идея...

Петрузов

Тише, Вася...

Жуовьян

Достоевский к моменту написания „Преступления и наказания“, не говоря уже о „Бесах“ и тем более о „Братьях Карамазовых“, уяснил для себя окончательно, что религиозное начало в крайности своей полностью отрицает национальное начало и наоборот... Вот, собственно, основа, хоть и не видимая ясно, его идейных споров... Конфликт Великого Инквизитора, пафос утопии Версилова... Это отрицание религиозного Христа и утверждение Христа национального, русского.

Кугушев

Но разве не через национальное каждый народ приходит к всемирному?

Жуовьян

Но это всегда происходило через упадок национального... Через отделение силы от мессианской идеи (роясь в бумагах). У меня вот записано: „Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном, и именно исключительно), если не верует, что он один способен, призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться с второстепенной ролью в человечестве... Единый народ-богоносец — это русский народ!“ Иными словами, дилемма Раскольникова — „тварь я дрожащая, или власть имею“ в общенациональном масштабе... И попытка добиться мессианства силой... А рядом вся та же навязчивая идея из романа в роман... Ни в одном из сочинений великой русской литературы девятнадцатого века не ставится так и не ставится столько раз вопрос о Боге: „Я хотел бы лишь узнать, спрашивает Ставрогин Шатова, веруете вы сами в Бога или нет. — Я верую в Россию, я верую в ее православие, я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую, — залепетал в исступлении Шатов. — А в Бога, в Бога? — Я... Я буду веровать в Бога...“ Вот и весь ответ в духе юношеской риторики Алеши, в духе митинговой морали старца Зосимы... Ясно, что не Бог спасет от страсти к мучительству, от сладострастия к деткам, от преступления и зла в самых недрах души... Не религиозный, а национальный Христос спасет... Тут уж кончается богоискательство и начинается богостроительство...

Кугушев

Вы все-таки не ответили, почему, пройдя даже этот, согласен, хоть и ужасный, даже ошибочный, но самостоятельный духовный путь, нельзя прийти к общему и новому всемирному... Разве не через грех открывается истина... Чем ночь темней, тем ярче звезды...

Жуовьян

Религиозная истина открывается через религиозный грех, а национальное — через национальное... Религиозный и национальный пути противоположны... Достоевский всем своим творчеством, кроме „Бедных людей“, когда он ходил еще в „гоголевской шинели“, отрицал религиозный путь и утверждал национальный... Это, собственно, основная мысль работы Эдемского, как я понимаю.

Петрузов

В этом положительная идейно-творческая сторона работы... Но сколько хаоса, сколько хаоса...

Вартаньянц

В том-то и дело... В работе Эдемского есть положительные моменты, поэтому я был за договорно-финансовые отношения, но надо отделить пшеницу от плевел. Мне кажется, во многом он ломится в открытую дверь.

Кугушев

Но если религиозный путь отрицает путь национальный и наоборот, то где же выход?

Жуовьян

А если жизнь отрицает смерть, а смерть — жизнь, то где выход?

Эдемский (Жуовьяну)

Это, Сережа, не совсем так... Приемлемый выход без крайностей и научно-политического мистицизма дан в Нагорной проповеди... Приемлемый выход во взаимоотношении религиозного и национального... Но Достоевский, да и не только он, главное в Нагорной проповеди отрицал. Главное-то в ней не заповеди — ни древние, ни новые, — главное, общий дух, без которых эти заповеди бесполезны. Главное в примирении противоположных начал, в равновесии между законом и любовью... Собственно древние заповеди „Не убий, не укради“ террорист Раскольников походя перечеркнул.

Труш

Неважно что, важно, чтоб пооригинальней... На вербе груши растут...

Соскис

Давайте все-таки уйдем от теологических споров... В свое время я, как известно, долгое время ходил в космополитах... И поводом к этому, толчком послужила моя работа, написанная в тысяча девятьсот сорок восьмом году, которая называлась „Европеец Достоевский“. Разумеется, у Достоевского было немало заблуждений, это знает каждый школьник, но отдавать нашего великого русского гения целиком в распоряжение этих заблуждений, делать их главными в творчестве Достоевского, основой его мировосприятия, это, пожалуй, пришлось бы по вкусу именно сильным людям, недобрых времен космополитизма.

Петрузов

Правильно, Миша... Коснуться хотя бы патриотизма Достоевского...

Соскис

Это, я бы сказал, вторая дурная тенденция в работе Эдемского... Сейчас вообще стало модным ругать, так называемых, славянофилов... Чуть какаянибудь русская деталь, воспевание, например, старого от дедов-прадедов самовара, семейной реликвии, которая, естественно, дороже телевизора, или босоногого деревенского детства — сразу ярлык „славянофильство“.

Чернокотов

Михаил Залманович, как я вас все-таки люблю...

Труш

Тише, Вася (Соскису). Статья нашего уважаемого литератора Хомятова в уважаемом органе печати, на мой взгляд, тоже грешит в этом смысле...

Вартаньянц

Статья Алексея Ивановича Хомятова абсолютно правильна и своевременна... Под увлечением, так сказать, закопченными дедовскими дымоходами нехорошие, несоциалистические, шовинистические идейки проскальзывают... И пора прекратить бесполезную демагогию, которую кое-кто пытается развязать... Вы меня извините, но я не могу удержаться от резкости, так уж надоели эти намеки... Живем среди сплошных подтекстов и намеков (закашлялся, вынул платок, вытер губы).

Чернокотов

Раньше Хомятов пел о сталинских стройках, а теперь ругает славянофилов... Это, извините, по-французски — гешефт, а по-русски — свинство.

Вартаньянц (вспылив и побагровев)

Мальчишка... Я... То есть мы требуем, чтобы вы немедленно покинули редсовет... Мы требуем...

Чернокотов

„Мы“ в хлеву стоит...

Вартаньянц

(затрясся и так закричал, что Вера Степановна в испуге открыла дверь).

Вон!

Чернокотов (со злобой)

Не пугай... Мы, сибирские, не пужливые... Подумаешь, лавочка... Эдемский с дамами... Вера, Абраша, Любовь...

Вартаньянц

Вон... Антисоветчину здесь проповедуешь...

Общий шум.

Колмакова

Какой мерзавец...

Жуовьян (с ненавистью)

Моя б вопя, я б его на собственных кишках повесил...

Чернокотов

А ты в меня семитскую атомную бомбу кинь.

Вартаньянц (Жуовьяну)

И вы тоже... Как вас... Оба, оба покиньте редсовет...

Вера Степановна (Чернокотову и Жуовьяну)

Перестаньте хулиганить, молодые люди (к Вартаньянцу). Может, швейцара снизу позвать, Иван сегодня дежурит, он их выведет...

Соскис

Надо всегда соблюдать золотое правило, никаких посторонних.

Чернокотов

Михаил Залманович, а что я такого... Ведь не свинья я сказал, а свинство... А хоть бы и свинья... Помните, у Федора Михайловича — „Полписьма одного лица". И неужели в слове „свинья" такой магический смысл, что каждый норовит принять его на свой счет?..

Петрузов

Выйди, Вася, а то я тебя выведу... Не срываай редсовет... Как тебе не стыдно...

Труш

Пойдем, Вася (берет его об руку. Тот уходит с Трушем, пошатываясь... Жуовьян тоже уходит... В дверях Жуовьян и Чернокотов сталкиваются, смотрят друг на друга с ненавистью и незаметно толкают друг друга локтями и брыкают ногами).

Лобачев

Сколько ненависти...

Вартаньянц

Откуда эти чернокоты?.. Откуда они берутся в наше время?.. Сколько лет, как классовые противоречия давно ликвидированы...

Петрузов

Да Чернокотов, Павел Дмитриевич, в психиатричке два раза лежал... Стоит ли обращать внимание... Большой человек.

Вартаньянц

Перед посторонними людьми неудобно. Пригласили профессуру... Вот Борис Борисович сидит и думает, ну и заведение.

Шмулер -Дийсный

В крикливое время мы живем, Павел Дмитриевич, что поделаешь... Однако, мне кажется, что с самого начала редсовет пошел по неверному пути... Мне кажется, вообще реферат не готов к обсуждению... Меня поражает дилетантизм автора реферата... Его попытка изобрести

велосипед в вопросах, фундаментально разработанных и нашим и зарубежным литературоведением... Да если б автор внимательно прочитал работы хотя бы присутствующего здесь Соскиса, Михаила Залмановича... „Европеец Достоевский" прекрасно... И последняя работа — „Трагическая вина героев Достоевского"... Весьма непростая, вызвавшая критику в печати, и я не могу с ней во всем согласиться, но тем не менее...

Открывается дверь и на подносах Валя-буфетчица и Касьяновна вносят чай и бутерброды.

Шмулер-Дийсный (жуя бутерброд с ветчиной)

Для нас, советских людей, Достоевский прежде всего возмутитель сытого, самодовольного обывательства, не прощающий ни Богу, ни черту плохо скроенную человеческую жизнь.

Эдемский (жуя бутерброд с любительской колбасой)

Мстящий человеку за плохо скроенную Богом жизнь... (торопливо проглатывает мешающий говорить бутерброд). Достаточно вспомнить хрестоматийную антибиблейскую слезиночку ребеночка... Идеализация невинных деточек всегда сопутствовала ненависти к людям вообще...

Осторожно входит Хомятов, солидный, немолодой уже мужчина вельможного вида с холеным, но добрым лицом, в котором, однако, угадывается и способность к сильным порывам и твердости почти безжалостной. Следом за ним проскальзывает Труш, вернувшийся после вывода им Чернокотова. Хомятов молча кивает Вартаньянцу и делает ему знак рукой не прерывать заседания. Садится в уголке на принесенный ему Верой Степановной стул. Колмакова и Карабинович оживленно, но тихо шепчутся.

Эдемский (не заметив вошедших, продолжает)

Только человек, твердо не верящий в Бога, а под Богом понимается смысл мира, только человек, отвергший в „Великом Инквизиторе" второе пришествие религиозного Христа, подменив его тем самым в идеале Христом национальным, для которого мир — это Россия, и страдания человека — это страдания русского человека, все же остальное лишь этнографический материал, мешающий этому русскому миру, либо помогающий ему, только такой человек мог сознательно использовать для разрушения старого религиозного общечеловеческого мира, мира библейского Иова, бунт человеческой личности, стремящейся к материализации свободы.

Кугушев

Но ведь свобода у Достоевского губит... Доводит до преступления, деятельная, активная свобода Раскольникова и Петра Верховенского, губит демоническая свобода Кириллова и Ивана Карамазова... С другой же стороны, Достоевский против принуждения, против внешних регулирующих законов... Человек не органичный штифтик... Гармония не может быть принудительная... И выбор новой идеи не может быть внешним, без испытания внутренней свободой... Я категорически не согласен с Эдемским, что „Великий Инквизитор" есть некая проповедь национального в противовес религиозному.

Колмакова

Он так прямолинейно не утверждает.

Эдемский

Нет, утверждаю... И если угодно, прямолинейно утверждаю... Я не могу согласиться с теми, кто воспринимает Достоевского как таинственного писателя... Тайну вокруг него возвели последователи и толкователи... Особенно Бердяев, Розанов, Мережковский... Про зарубежных

толкователей я уж не говорю... Достоевский, наименее таинственный из всех заметных писателей девятнадцатого века... Вернее, он не более таинственен, чем учебник по современной физике, его можно изучить, затратив усилия... Пушкин же на первый взгляд как будто букварь, но никакими усилиями его не одолеть до конца... Он не усилий требует...

Труш

Слава Богу, хоть заметным Федора Михайловича признали, наконец.

Эдемский

В чем Достоевский действительно гениален, так это в журналистике... Это, может быть, единственный в мире гениальный журналист... Что же касается литературы, она в противовес журналистике требует не ясности, а тайны... Не недомолвок, а творческой тайны... Я далеко не всегда понимаю, чем на меня воздействуют Пушкин, Гоголь, Толстой... Достоевский всегда ясен и в силе и в слабости... Искренности, а значит, художественности... нет художественности, а значит, искренности он достигает в разрушении старого божьего мира, и искренни у него атеисты и разрушители библейской морали... И, наоборот, малокровны, риторичны, надуманы его созидатели... Алеша, Зосима, женщины, наконец... Судьба женщины ему недоступна... Это один из немногих русских литераторов, которому недоступна судьба женщины... Опора всякого человеческого созидания — образы Чистой Девы и Святой Матери... Образы эти отсутствуют у Достоевского, по крайней мере, в его художественной половине... Женщины его не имеют ни собственной судьбы, ни собственного облика, они лишь момент в судьбе мужчины... Тут я согласен с Бердяевым, с человеком, к Достоевскому пристрастным, по-юношески влюбленным, которого менее всего можно в нелюбви к Достоевскому упрекнуть... Да и вообще, обладая столь высоким талантом в разрушении божьего мира, Достоевский не сумел создать ни одной святой страницы... Его активный националистический атеизм помешал ему сделать то, чего добился Чехов благодаря своему лиричному, пассивному атеизму... Здесь созидание в добром, утешающем цинизме... Слабость утешает и сеет добро... Все там будем... Нет, Достоевский на это согласен не был... Только всемирное величие России могло заменить ему бессмертие... Чехову же заменяла вполне бессмертие мягкая, добрая насмешка над могилой — чужой и собственной... Мягкая насмешка, венчающая подчас самые горькие мысли... (Эдемский устало сел.)

Колмакова (незаметно пожав ему руку, шепотом)

Я наблюдала за Алексеем Ивановичем, он, кажется, тобой удовлетворен. Я так боялась, что ты лишнее сболтнешь, вроде чеховского цинизма или чеховской насмешки над могилой... Но это мелочь...

Эдемский

Ах, оставь... Вечно ты Бог знает о чем.

Кугушев (Эдемскому).

Я не буду говорить с вами о главном... Тут нет и не может быть у нас контакта... Но коснемся частностей... В ваших выступлениях...

Труш

Вернее, выпадах...

Кугушев

В ваших выступлениях вы упорно не касаетесь образа князя Мышкина... А между тем, если вы уж поставили на вершину всякого творчества так называемые „святые страницы“, то „Идиот“ самое, может быть, любимое, самое свободное создание Федора Михайловича, наименее связанное с волнениями текущей действительности, как бы небесный свет, освещающий трагическое бытие Раскольникова и Карамазовых.

Эдемский (отхлебнув холодного чая, хрипло)

Князь Мышкин первоначально назван был князь Христос... Но если есть образ наиболее чуждый Христу, то это образ Мышкина... Достоевский так и не сумел создать идеал человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо... Мышкину все человеческое чуждо... Он никогда бы не проклял безвинную смоковницу... Никогда б не сказал в усталости физической и душевной одному из тех многочисленных униженных и оскорбленных, которые обращались с просьбами-требованиями к Христу... „Род скверный и развратный, доколе буду с вами, доколе терпеть вас...“ Оно и неудивительно, ибо, по сути, Достоевский стремился к буддистскому, а не христианскому идеалу... Достижение любви путем отказа от себя как личности — это буддизм. А назвать буддистский образ князя Мышкина Христом, значит не понимать ни библейских, ни евангельских истин, состоящих в противоположном... В достижении любви, сохраняя себя как личность, которой ничто человеческое не чуждо... По направлению Мышкин — это буддистский, а не христианский образ, но по художественному наполнению в нем нет даже и буддистской полноценности и полнокровия... Здесь сказывается несостоятельность всех европейских буддистов, сознательных или несознательных... Отказаться от себя и жить жизнью созерцательной они не способны, а любить, будучи собой, не могут... Все сводится к соединению несовместимого, то есть к убудочности и беснованию... В частности, образ Мышкина — это образ тихого беснования...

Шмулер-Дийсный

Мы опять крайне уклонились от сути.

Петрузов

Мне тоже кажется, что мы давно уже за пределами добра и зла.

Вартаньянц (улыбнувшись)

Вот Алексей Иванович, может, несколько слов скажет.

Хомятов

Нет, нет... Я еще в ритм не вошел... Я послушаю.

Монцевич

Я, пожалуй... Если не возражаете... Хэ... фи, эп... эп... У каждого свой Достоевский, но есть и общий... Это живая боль за Человека с большой буквы, такой Достоевский заставляет биться сердца и сжиматься кулаки. Такой Достоевский шагает сегодня рядом с нами в борьбе за прогресс, за победу света и разума... В „Преступлении и наказании“ Раскольников переключается с теми, кто сегодня проповедует антикоммуникабельность... Писатель отвергает эту ницшеанскую философию... Родиону Романовичу Раскольникову помогает самозабвенная любовь Сони...

Эдемский

Да не раскаивается он.

Монцевич

То есть как... Хэ... фи... эп... эп... А землю целует... На коленях перед народом...

Эдемский

Землю целует, а не кается. Он не для того землю поцеловал, что раскаялся, а наоборот, чтобы хоть этим возбудить в себе раскаяние...

Кугушев

Дело не в раскаянии, раскаяния, действительно, нет. Дело в мучениях, в невозможности раскаянием облегчить мучения...

Эдемский

Уж не совесть ли мучает? Ведь по Достоевскому, не закон и не общество, а лишь собственная совесть имеет право на казнь...

Кугушев

Да, Федор Михайлович считал человека существом ответственным, не имеющим права перекладывать вину за свое преступление ни на общество, ни на обстоятельства... Безответственность личности есть унижение личности...

Петрузов

Не могу согласиться. Именно атмосфера жизни, тогдашней действительности, царской крепостнической России калечила души, внушала им ложные идеи сверхчеловека.

Кугушев

Или вспомним „Вечный муж“, сочинение, которое некоторые специалисты у нас и на Западе считают самым глубоким и ярким у Достоевского. Это, конечно, слишком, хоть и произведение, действительно, достойное и охватить его легче просто по объему. Мужа мучит именно неспособность к ревности, а через страдания ревности странная любовь к любовнику жены.

Эдемский

Синтетика... Рукотворная мистика...

Кугушев

Что?

Эдемский

Наглядная модель человеческого подсознания из поролона, капрона и прочих современных материалов... Тогда это было открытием века, но теперь это не более чем химия...

Кугушев

Химия... А вспомните, как Вечный муж грел тарелочки для любовника...

Соскис

Замечательная эта способность Достоевского, когда он увлекает нас в темные глубины психологии, уточнять все до малейшей реалистической детали... Этот реализм детали, дабы сделать реалистическую фантастику...

Лобачев

Да позвольте, но ведь это обыкновенное ремесло, а не открытие, оно любому литератору известно.

Соскис

Ремесло начинается с мастера. Достоевский сделал это всеобщим достоянием... Конечно, как натура противоречивая, я бы сказал - трагически противоречивая...

Эдемский

Еще раз повторяю, Достоевский гораздо более цельная натура, чем его стараются представить... Сейчас, по прошествии ста лет, ясно то, что не всегда до конца осознавал сам Достоевский. Ясен тупик Раскольников и выход из этого тупика, предлагаемый Достоевским... Трагедия и мучения Раскольникова в том, что он нарушил религиозные заповеди „Не убий, не укради“, создав свое доктринерское оправдание внутри старой религиозной идеи. Выход же из трагедии Раскольникова, который подсказывает всем своим творчеством Достоевский, — это разрушение религиозных заповедей, стоя на путях национальных... Это уже двадцатый век, и это одна из причин популярности Достоевского в двадцатом веке.

Монцевич

Но позвольте... Хе... фи... эп... эп... Как правильно было замечено, бытовой сор, частное и местное, вот куда вас заносит... А шекспириальность философской партитуры, так сказать, выделение чистого продукта национальной мысли... Да, я не исключаю, да, Достоевский — художник, хотел он этого или не хотел, вскрыл иллюзорность религиозных обоснований братства, поставил вопрос о новых связях. Однако Раскольников спасает любовь, вера в человека... Да, Достоевский низвергал идолов (выражение Герцена), развенчивал призраки (выражение Белинского и Щедрина).

Эдемский

Обоих сразу?

Соскис

Просьба уважать все-таки оппонента...

Монцевич

...очищая общественное сознание от обветшалых, переживших себя... хе... фи... эп... эп... понятий. Мечта Достоевского-проповедника о втором пришествии, об обновленном христианстве испарилась под жаркими лучами художественного гения Достоевского-творца,

ибо высшим законом для гения есть правда. С неопровержимой силой эстетической логики показал он крушение миссии Мышкина-Христа, который не высвободил красоту из-под власти денег, не спас Настасью Филипповну, не удержал от нравственного падения Аглаю, не просветил темную душу Рогожина... Хе... фи... эп... Не вынул из его руки ножа убийцы.

Эдемский

Точно таким же провалом оканчивается и последующее явление князя Мышкина народу, хоть костюмированное в средневековое одеяние и перенесенное в Испанию... Не в небесной любви, а в тихом земном своем бесновании целует князь Мышкин Великого Инквизитора в ответ на его атеистические проповеди... Ибо князь Мышкин, князь Христос, весьма близок Ставрогину и Раскольникову. Для него превыше всего не любовь, а свобода. Для Раскольникова свобода человеческих страстей, для Мышкина — свобода от человеческих страстей. Христос — богочеловек, Мышкин — не Бог и не человек. Достоевский был последователен, заявляя, что нет ничего страшнее для человека свободы... Но здесь следует добавить, что он страшился свободы в мире, основанном на религиозных началах, которые не воспринимал... Этому миру он возвратил свой билет... Только национальное богоискательство, по его мнению, способно вернуть свободу русскому человеку.

Кугушев

Да, Достоевский принадлежал к эпохе катастрофического мироощущения... Русская душа вообще способна дойти до упоения гибелью... Помните прекрасные слова Андрея Белого: „Исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя..." В этом русская вечность и величие...

Петрузов

И вы туда же... В бердяевщину...

Хомятов

Разрешите, Павел Дмитриевич...

Вартаньянц (торопливо)

Да, пожалуйста...

Хомятов

Я не собирался выступать, но высказывания товарища... Вот...

Вартаньянц

Кугушева.

Хомятов.

Высказывания товарища Кугушева заставили меня высказаться... Одной из неотложных задач марксистско-ленинской критики является выбивать великодержавный шовинизм из всех участков литературного фронта, срывать с него маску там, где он боится принять открытый бой, раскрывать его отдельные выступления, как моменты законченной системы великодержавных взглядов в литературной критике... В этом смысле мне гораздо ближе пафос работы товарища Эдемского, подчеркиваю, общий пафос, а не целый ряд положений, которые я считаю ошибочными. Однако критика ошибок должна быть всегда с правильных позиций.

Гениальность Федора Михайловича Достоевского, как известно, недискуссионна, но в то же время мы не можем, не должны молчать, когда сегодня как за рубежом, так и у нас, превозносятся и оправдываются его великодержавные устремления. Выступление же товарища Кугушева напомнило мне пресловутые теориейки... Славянофильские теориейки...

Труш

Да он не о том говорил...

Вартаньянц

Тихо, товарищ Труш...

Хомятов

Нет, извините меня, товарищ, о том. Идеология великодержавного шовинизма скрещивается с разнообразными теориями от буржуазного эклектизма до троцкизма... Я думаю, что пора уже покончить с либерализмом в данном вопросе, пора уже крепко ударить по рукам... Ударить тех, кто угрожает социалистическому интернационализму...

Труш (вскочив)

Только не надо угрожать и не надо употреблять терминологию времен культа личности...

Вартаньянц

Товарищ Труш, призываю вас к порядку...

Труш

А я не желаю здесь находиться... Среди людей, которые всякую патриотическую мысль о России подвергают гонениям и улюлюканью... Которые позволяют себе поднять руку на русского национального гения...

Выходит, хлопнув дверью.

Шмулер-Дийсный

Вот он, современный нигилизм.

Лобачев

Если он ушел вовсе, то это плохо, но если он ушел в буфет, то это полбеда...

Колмакова (тихо, Эдемскому)

Все идет хорошо... Вартаньянц, видишь, как изменился к тебе... Я же говорила, главное, чтоб был Хомятов... Это Зое скажи спасибо, она его привела...

Эдемский (раздраженно)

Да оставь меня, Ольга...

Соскис

Скандал за скандалом... Такой же редсовет я помню в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году... Причем, казалось бы, по совершенно апробированной теме... Кажется, что-то о Чернышевском.

Хомятов

С подобными личностями пора бы кончать либеральничать. Я говорил об этом на последнем пленуме.

Кугушев

Если я не так выразился или не так был понят, то прошу прощения... В целом я не разделяю взгляды Труша на работу Эдемского, и это автору и членам редсовета известно.

Петрузов

Да, в работе Эдемского есть немало положительного...

Лобачев

По крайней мере своеобразно... Наше литературоведение в большинстве ведь скучно, не поэтично, а здесь счастливое исключение...

Колмакова (переглянувшись с Карабинович, к Эдемскому)

Слышишь, Рома... На сто восемьдесят градусов все.

Эдемский (нервно)

Я сейчас, кажется, тоже встану и уйду...

Колмакова

Только попробуй.

Вартаньянц (миролюбиво. Эдемскому)

Вы что-то хотели сказать?

Карабинович (торопливо)

Нет, это мы с Эдемским тут между собой...

Монцевич

Разрешите, я закончу. Страсти страстями, а дело... хе... фи... эп... делом. Я согласен с автором и считаю своевременным поиски богостроительных и богоискательных моментов в творчестве Достоевского... Они могут под своеобразным ракурсом многое объяснить. Упоминаемый здесь Бердяев, а также Мережковский, Ясперс, Минский берут за основу изучения действительности... Эп... Прошу прощения... Сартр и Ясперс... Берут за основу переживания личность, изолированную от общества... Даже такие уважаемые нами люди, как Горький и Луначарский, не избежали заблуждений. Вспомним проповедь Луначарского о том, что Христа следует рассматривать не как Бога, а как революционного вождя и первого коммуниста. Вождя пролетариата Галилеи... Горький в ответ на анкету о религии в журнале „Меркюре де Франсе“

определял религию как чувство связи с прошлым и грядущим. В своем труде „Панидеал“ Гольдцапфель изображает чувство тоски как важнейший стимул сознательной деятельности человека... Тоской он называл стремление людей к идеалу. Тоска создает психическую энергию высокого потенциала, который якобы носит религиозный характер. Если же, учитывая это все, обратиться к творчеству Федора Михайловича Достоевского, разумеется, не смешивая вульгарно при этом личность творца с личностью человека... Хе... эп... фи... Даже А. С. Пушкин в этом плане выглядит не очень хорошо...

Эдемский (вскочил)

Пушкин тяжело расплатился за свои грехи... Пророк всегда тяжело платит за грехи... и грехи пророка открыты и молоды... Нет в них тайного мучительного срама пожилого греховодника... Есть мучение, но нет надрыва... Надрыв — это уже не духовное, он уже медицинским законам подчиняется... В надрыве обман, даже хитрость...

Монцевич

Речь идет о схожей концепции... Хе... фи... эп... Я хотел заметить, что плоскость, в которой творчество Федора Михайловича Достоевского препарируется уважаемым автором, а также настойчивые устремления уважаемого автора в направлении... В направлении построения схожей теории...

Ползет занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Основную часть сцены занимает буфет. Стойка-холодильник, где выставлены холодные закуски. Поблескивает хромированная касса и цилиндр кипятильника. За окном яркий снежный день. В углу дверь в буфет. За дверьми видна часть комнаты для курения, вход в которую завешен полуотдернутыми портьерами. В пустом буфете за одним из столиков сидит Чернокотов, перед ним тарелка с сардельками, бутылка нарзана и пустая рюмка. Валя сидит рядом с ним, подперев щеку рукой.

Чернокотов (движения его еще более размашисты и хмельны)

Хорошо ты сидишь сейчас передо мной. Валюша, и смотришь на меня хорошо... С жалостью... На святой Руси только так смотреть могут... Так деревенские бабы на пропащих смотрят.

Валя (утирая слезы)

Зачем ты, Вася, с начальством ругаешься, ведь пропадешь.

Чернокотов

А в начальстве у нас сейчас на святой Руси, Валюша, бундовцы... И их подпевалы... Союз угнетателей... Когда татарва народ резала триста лет, и то легче было...

Валя (испуганно оглядываясь)

Пропадешь ты, Вася, за язык свой скандальный... Ведь уже привлекали тебя...

Чернокотов

Чекизм-кегебизм... Это которые одного на зарплату берут, другого на паек... Это не страшно... Я психически ненормальный... У меня справка есть... Ку-ка- ре-ку...

Валя

Тише ты...

Чернокотов

А ты еще меня рюмочкой подкупи, тогда молчать буду (пытается ее обнять)

Валя

Оставь... У нас спиртные напитки подавать запрещено, у нас издательство, а не пивная... Пусть тебе Верка подает.

Чернокотов

Ревнуешь... Так хорошо сидела по- бабьи, по-деревенски... Смотрела на меня, как на пропашенького, прямо до слез... И вот ревнуешь... Это по-еврейски... Русская женщина — это не то, русская женщина — это Сонечка.

Валя

Какая я еврейка? Ты что такое болтаешь?

Чернокотов

А если ты русская, тогда слушай. Помнишь, как Сонечка уже на каторге, потом, после болезни... в тюремном госпитале, как он увидел ее в окно... Она стояла и чего-то ждала...

Валя

Придут они к тебе на каторгу, жди... И Верка, и Сонька эта твоя... Ты вон бледный какой, больной какой... Язвой, наверно, желудочной болеешь... Доведут тебя эти Верки да Соньки...

Чернокотов

Эх, Валюша, Валюша... Ты про Достоевского хоть слышала? Про русского нашего писателя?

Валя

Это который для детей пишет?

Чернокотов (усмехается)

Верно, для деток... Для чистых душой русских деток он пишет... А когда суешься в это грязными жидовскими лапами... Странное дело, среди специалистов по Достоевскому много жидов, среди литературоведов.

Валя (оглядываясь)

Тише, Вася. Соскис может войти, услышит...

Чернокотов

А Михаил Залманович интернационалист... Ты его не бойся... Ты слушай, я тебя почитаю. (Он роется в портфеле, достает один из томов весь в закладках, читает.) „Они были одни, их никто не видел. Конвойный в ту пору отворотился. Как это случилось, он сам не знал, но вдруг что-то как бы

подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени (**Чернокотов незаметно вытирает слезы**). В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее как бы помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье, она поняла и для нее уже не было сомнений, что он любит, бесконечно любит ее, и что настала же, наконец, эта минута".

Валя

А они что, до того расходиться хотели?

Чернокотов

Корова ты, Валюша (**смеется**). Дай я тебя поцелую...

Валя (**отталкивая**)

А сам-то ты кто... Чужое ешь, чужое пьешь (**Чернокотов смеется**). Много ты понимаешь в отношениях... Я в самом конце войны совсем молоденькой с контуженным моряком сошлась. Бил меня, оскорблял. Мама моя еще жива была, говорит — расходись... Я ему — разойдемся, Степа. А он к ногам кинется, колени обхватит... Вот так, не поднимаясь с колен, всю исцелует... Он в плену в Германии разврату обучился... Но недолго он меня мучил... В сорок шестом его, как бывшего пленного, арестовали, и по сей день я о нем ничего не знаю.

Чернокотов

Эх, Валюша... Дай-ка лучше я тебе о русских деточках почитаю... Может, детки торговую душу твою проймут... (**Роется в портфеле, достает то один, то другой том.**) Вот мальчик у Христа на елке... Или вот страдания совсем маленьких русских деток (**читает**): „Жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене гвоздиками“.

Валя

Фу, ужасы какие... Да как же такие ужасы печатают... Теперь ведь на евреев плохо говорить запрещают... В газетах пишут - все едины, что татарин, что чучмек...

Чернокотов (**смеется**)

Федор Михайлович мракобес был, реакционер (**смеется**).

Валя

Ужасы какие...

Чернокотов

Ужасы... Марфа ты вологодская... Ты вот послушай (**читает**): „Это хорошо. Я иногда думаю, что сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть“.

Валя

ТЬфу, ужасы... Это кто же такое говорит? Тоже еврейка?

Чернокотов (**с внезапной тоской**)

Нет, это русская девочка... Лиза Хохлакова, четырнадцать лет... Это русская девочка... Это маленькая частичка нашего страдания... Оскорбленная душа.

Валя

Я это страдание знаю. Оно мне как пять пальцев известно... Старшая моя, горе мое, от Степана которая, Ларка моя... В пятнадцать лет сядет и плачет... Чего плачешь, говорю? То стыдить ее начинаю, то конфеты даю, причесываю. Она ведь у меня лицом красивая. Хочу, говорит, мама, сама чего не знаю... Или чтоб меня кто-нибудь на части разорвал, или чтоб я когонибудь искусала... А в шестнадцать лет от племянника моего ребеночка родила мертвого... Зато младшенькая моя умница, младшенькую мою я в достатке воспитаю. Жилы из себя вытяну, а воспитаю.

Чернокотов (смеется)

Это какая же младшенькая? Не от меня ли?

Валя

Да пошел ты... Светочка. От законного моего мужа... Хороший был человек... Бухгалтер...

Чернокотов (смеется)

Так ведь он тебя бросил.

Валя

А какая я ему жена... Я уж покалеченная... Раз уж с тобой путалась, что уж с меня...

Чернокотов (вдруг озлобившись, став серьезным)

Много ты обо мне понимаешь... Я, может, на весь мир, на всю Россию...

Валя

Пьяный ты, Вася... Иди домой, только мешаешь. А ведь перерыв скоро... Я еще кофе не вскипятила... Ведь одна сегодня. Подсобница болеет, а Касьяновну работать не заставишь. Копченой рыбки требует. (Звонит телефон, Валя берет трубку.) Буфет слушает. Кто это? Ах это ты, миленькая? А мы только что с одним дядей о тебе говорили. Ты что делаешь? Ручи помыла перед обедом, тетю Надю слушаешься? Солнышко, ты мне стишочек скажи. Ты говори, а я повторять буду, а то дядя не верит, как ты умеешь... Дядя Вася... Помнишь, он к нам приходил?.. Ну-ка стишочек, который тебя мама научила... Я сажу на вишенке... Нет, ты правильно говори, не дурачься... Я сажу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... (Чернокотов смеется.) Молодец... Дяде Васе очень нравится...

Чернокотов (смеется)

Передай... Очень... Приду... Ох, не могу... Дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... Передай Светочке, гостинец принесу...

Входит нервной быстрой походкой Труш.

Труш (нервно).

Я искал тебя, Вася... Как-то сразу не понял, что ты в буфете...

Чернокотов (смеется)

Я сижу на вишенке, не могу накушаться... Хорошие стихи... Наверно, Кушнерович сочинил... Он детскими стишками тоже балуется.

Труш (нервно)

Перестань дурачиться, Вася. Когда на глазах у нас публично распинают дух и тело Федора Достоевского... Да, не только дух, но и тело...

Чернокотов

А что нам, русским, еще остается в своем отечестве, как не дурачиться... Я хотел их там прямо в бога душу магь... Так ты ведь — перестань, Вася, не дури, Вася, пойдем, Вася...

Труш

В бога душу их не проймешь... (Понизив голос). Написать надо. Они ведь пишут, и мы напишем... Сейчас не времена культа личности... В конце-то концов памятники культуры охраняются государством. Камни, полуразвалины, а тут живой русский гений... То, что происходит под крылышком Хомятова, ничто иное, как святотатство, осквернение святыни...

Чернокотов

Куда напишешь. Элем... Я вот, например, мечтаю журнал основать... Русский журнал... «Русский мир» называться должен... Ни одного псевдонима печатать не буду.

Труш

Вася, оставь фантазии, вернись к реальности... Найдем, куда писать... Эдемский и его компания думают, что Хомятов Бога за бороду схватил... Это он при Сталине Бога за бороду держал... Сейчас не сорок восьмой год...

Чернокотов (смеется)

Давай договоримся о термине „бог“. Я лично „господь“ предпочитаю... Бог — это не по-русски...

Труш

Подписи соберем... Я подпишу, ты, Петрузов...

Чернокотов

Федот? Никогда... У него со знатными богатыми евреями мир... Стерва он...

Труш

Стерва-то стерва... Сталинист... Но на безрыбье и его можно использовать.

Чернокотов

Да не подпишет он... Я-то знаю, на что он способен. Выдать он меня не выдаст, но подписать не подпишет... Ему среди одних русских фамилий находиться страшно... Славянофилом заклеят и заработок отнимут...

Труш

А мы интернационал соберем... Соскис подпишет... Через Соскиса стенограмму добудем... Размножим... Студентам в университете дадим... И Илюша подпишет... А у Илюши связи и здесь, и за рубежом... Ты видел последние иллюстрации Илюши к Достоевскому и Мельникову-Печерскому?

Чернокотов

Русские иллюстрации... Этнография... Русский север Илюша сердцем чувствует... Я юг не люблю... Юг — это грязь, чернота... Евреи, хохлы, цыгане, молдаване... Ярмарка... На севере жиру поменьше, тучности нет, запахи не так остры... Там все камнем, да водой, да соснами... Все не съестным пахнет... Там паразитам интереса нет... Там и жива еще Русь — деревянная, голубоглазая, льняная... Мы, Элем, все лето там провели... Русская молодежь... Весело... Больше всего художники молодые... На плотках катались... Хором как закричим, бывало: „Да здравствует русский пророк Илья!“... Давай еще по маленькой, Элем... Валюша, дай нам по маленькой...

Валя

Некогда мне с вами... И спиртное не положено здесь...

Чернокотов

А ты в виде исключения...

Труш

Ладно, дай нам, Валя, по одной, без сдачи...

Подходит к буфетной стойке и протягивает деньги.

Валя (сердито)

Пропадешь с вами (достаёт бутылку из-под стойки и наливает две рюмки).

Труш

Раз уж пьем с тобой, Вася, так давай за Достоевского. Его обвиняют в том, что он слепо любил Россию... Да, это романтическая любовь... Любовь Ромео к своей девяностомиллионной Джульетте... Или сколько их там русских народится, — добавляет Достоевский... Но разве такая любовь нуждается в бытовом зрении... Вот чего они в злобе своей не понимают...

Чернокотов

Люблю я тебя, Элем (чокаются, выпивают, жуют сардельки). Вспомнил я... Еще одного для интернационала тебе представлю... Для подписи... Лебеденков Федор Соломонович... Этот подпишет... Говорят, он при заполнении анкеты в графе „национальность“ написал — „русский писатель“ (оба смеются).

Входит Монцевич, останавливается у буфетной стойки, поглаживает холеную седую бородку.

Труш

Кончилось уже?

Монцевич

Я чуть раньше... Хе... фи... эп... Но сейчас начнется перерыв... Что?

Чернокотов

Тридцать восемь...

Монцевич

Как?

Чернокотов

Ничего, профессор, вам почудилось...

Монцевич

Ах, простите... Хе... фи... эп...

Труш (тихо Чернокотову)

Пойдем в курилку, поговорим...

Они встают и выходит. Чернокотов тяжело волочит портфель с томами Достоевского.

Валя

Кофе сейчас закипит, есть горячие сардельки с макаронами, пирожки с мясом, пирожки с повидлом, нарзан...

Монцевич

Нарзанчику, пожалуйста... Хе... фи... эп... И вот еще (оглядывается, замечает, что один, и в тот момент, когда Валя наклоняется, чтоб достать из ящика бутылку нарзана, он совершенно не профессорским, молодым студенческим движением подхватывает ее за бедра).

Валя (резко выпрямившись)

Чего?

Монцевич

Хе... фи... эп... Пирожок с мясом, пирожок с повидлом... нарзан... и если можно, горяченького...

Слышен шум, входят Лобачев, Соскис, Колмакова, Карабинович, Шмулер-Дийсный, Петрузов, еще какие-то люди, очевидно, с других этажей. Все торопливо устремляются к стойке и выстраиваются в очередь. Тогда же появляется Касьяновна, протискивается вперед.

Касьяновна

Валя, мне триста граммов мирмилада.

Валя (сердито)

Всегда ты, Касьяновна, в перерыв... Некогда мне сейчас с тобой.

Касьяновна

А чтоб вы все сгорели... (отходит).

Входит Эдемский, которого держит об руку К у г у ш е в. Прохаживаясь по буфету, они продолжают разговор.

Кугушев

Помните заветную мечту Достоевского превратиться в семипудовую купчиху, ставящую Богу свечку. Это не ирония... Это крик измученного человека... Измученного своим собственным пророческим даром... Желанием ослепить себя... Он жаждал добра... Это был добрый человек... Но духовное зрение его было источником его мучений... Жизнь с адом в груди... А клейкие листочки, а синее небо, любимая женщина — это счастливый удел семипудовых...

Эдемский

Достоевский обладал не столько острым, сколько патологическим зрением...

Кугушев

Патологическим, в смысле — творческим...

Эдемский

Хорошо, назовем это творческим... Он формировал из реальных предметов химеры... Он соединял ясно и глубоко видимый им результат одного явления с ясно и глубоко видимым им истоком совершенно иного явления и наоборот... Он усаживал кроны одних деревьев на корни совершенно иных...

Кугушев

Но это как раз признак апокалипсического зренья... В апокалипсическое время — это самый плодотворный подход. вспомните апокалипсическую фигуру Шатова, одного из наиболее любимых героев Достоевского, в которого он вложил свои мысли, повторенные в „Дневнике писателя"... Соединение в одном лице крайнего революционного радикализма с радикализмом черносотенным...

Эдемский

Здесь опять пример бессознательного пророчества, идущего вразрез с мировоззрением. Это ценно, ибо бессознательного у Достоевского очень мало. Предвидение главной социальной борьбы не меж оппозицией и официальностью, а внутри оппозиции — вот о чем „Бесы". Это вовсе не антиреволюционная книга, это книга о борьбе меж собой двух революций, меж которыми сходство по полярной противоположности... Это борьба между социалистическим атеизмом и национальным атеизмом. В этой борьбе Достоевский стал, не задумываясь, на сторону национального атеизма, ибо он мог понять, и достаточно глубоко, те или иные характеры революционеров, но он совершенно не понимал характер революции.

Кугушев

Но как же можно понимать революционеров и не понимать революции?

Эдемский

Весьма часто так и бывает. Те, кто слишком глубоко и односторонне углубляется в характер революционеров, совершенно упускают характер революции... Революционеров формирует сознательное начало, революцию, если это, действительно, революция, а не бунт, — революцию формирует начало бессознательное, органическое... Революционеры могут быть оторваны от народа, революция — никогда.

Кугушев

Я так и не могу понять до конца столь распространенный термин „народ“.

Эдемский

По-моему, народ — это то, что на данном этапе исторического развития олицетворяет национальную идею... А национальная идея России испокон веков была — внешнее движение, своеобразное экспансия-бегство... Экспансия угнетенных... Начало империи положили мужики, бежавшие в разные стороны от боярского кнута... Революция спасла национальную идею, находящуюся к концу девятнадцатого века на краю гибели, она спасла, улучшила, видоизменила, усилила, но в национальном все-таки русле, ту, если не в идеологических формулировках, то в природной своей основе Россию, к которой привык мир и которую любил Достоевский... Эмигранты всех мастей и времен, которые плачут о прошлом России, погубленном некой навязанной извне Петрами Верховенскими революцией ничего не поняли в происходящем... Революция не отменила, а укрепила и усовершенствовала прошлое России... Отмените основную национальную идею, господа, откажитесь от нее, и тогда вы можете утверждать, что революция в России была антинациональной, совершенной инородцами... Нет, не белая гвардия спасла единую и неделимую... Не история, а география может подтвердить справедливую органику октябрьской революции... Революция не была принесена с Запада, с Запада явились лишь революционеры, революция же выросла из недр русской истории.

Кугушев

Ох, уж эти вулканические русские недра... Значит, вы считаете, что консерватор Достоевский принял бы революцию со всеми ее неизбежными крайностями?

Эдемский

Не только революцию, но даже и сталинизм... Вернее, сталинизм скорее, чем революцию... Его на первых порах могло отпугнуть только полное подчинение личности идее... Однако когда бы он понял, что речь идет о национальной идее, то принял бы происходящее и даже одобрил... Он отрицал жертву личности идее религиозной, но принимал эту жертву идее национальной...

Продолжая разговор, они уходят в глубину буфета, лавируя между столиками и не замечая окружающих. Входят Хомятов, Вартаньянц, Зоя Карабинович и Петрузов.

Вартаньянц (Хомятову)

Алексей Иванович, вы курицу с рисом не прочь? Я сейчас Валю предупрежу.

Хомятов

Но я вижу на столиках народ одни сардельки ест... Не густо...

Вартаньянц

Кухни ведь у нас нет, все фонды не утвердим... (К Вале.) Валюша, подай три (смотрит на Петрузова), нет, четыре порции... И нарзану... (Хомятову.) Тут у нас смежная комнатуха... Пожалуйста...

Петрузов (подняв кверху палец)

Литература праматерь всякого конкретно-образного искусства, она в меньшей степени, но тоже влияет даже на абстрактно-образное искусство — музыку...

Они проходят в дверь за буфетной стойкой.

Труш (Чернокотову)

Петрузов директорский обед зарабатывает...

Чернокотов (добродушно)

У тебя с Федотом идейные разногласия по вопросу о культе личности, а мне он дворняжку нашу русскую, деревенскую напоминает... У деревенской дворняжки своя смекалка, она от бездомности перед чужаком хвостом виляет, кусок выпрашивает, но как только у нее свой деревенский хозяин появится, приютит, она сразу чужака за ляжку цап!

Лобачев и Соскис с подносами, на которых сардельки и нарзан, пробираются к столикам.

Лобачев (Соскису)

У меня давно уже замысел, вернее, желание, может быть, и дикое на первый взгляд, написать о последних минутах жизни великих литераторов... Заключите договор на эту тему? (Садится за свободный столик.)

Соскис (садится рядом)

Последние минуты у всякого человека, черт бы их побрал, своеобразны. Есть такой еврейский анекдот... Впрочем, не сейчас... Не люблю рассказывать анекдоты в буфете (смеется).

Лобачев

Не могу с вами согласиться. Последние минуты обычной, неталантливой жизни либо скучны, либо по-бытовому ужасны... Скандальны, я бы сказал... Иное дело, конец талантливой жизни... Мне кажется, для литературоведа он дает своеобразный ключ к анализу творчества... Гюго воскликнул перед концом: „Я вижу черный свет...“ Это ли не вершина романтизма... А вспомните смерть Чехова... Ему стало трудно дышать, и дежурившего у постели студента отправили в соседнюю комнату за кислородной подушкой... „Не надо, — сказал Антон Павлович, — пока он вернется, я уже умру...“ Это были его последние слова, и разве в них не квинтэссенция всего чеховского творчества... Разве эта фраза не украсила бы „Чайку“... А Достоевский, которого пытались представить внутренне разобщенным, мятущимся... Он умер спокойно... По внешнему облику смерти Чехова и Достоевского даже подобны... Когда жена прочла Федору Михайловичу строки из Евангелия... Помните, Иисус говорит Иоанну — не удерживай, мне надо креститься от тебя... „Ты слышишь, не удерживай, — сказал Достоевский жене, — значит, я умру.“ Однако, если у Чехова в подтексте была поэтическая горькая скорбь, то у Достоевского был пересиливший страх, не лишенный сладости научный интерес, любопытство... Да, да, да... Очевидцы говорят, что Достоевский лежал в гробу с лицом спокойным, но несколько искаженным любопытством... Он жил с интересом и умер с интересом... Чехову загадка жизни была страшна, и он старался не прикасаться или ее

вышучивать, Достоевскому загадка жизни была не только страшна, но и любопытна. Он жил с интересом и умер с интересом... Из всех знаменитых литераторов это, безусловно, самый экспериментирующий научный мозг... Смерть свою он воспринял как последний научный опыт... Он умер, словно отправился узнавать о себе окончательную истину — „тварь я дрожащая или власть имею“...

Соскис

А вы, дорогой мой, оказывается, тоже склонны к декадансу в литературоведении... Заклучи с вами договор, кто его знает, такое наворотите... (Смеется.)

Лобачев

Но согласитесь, что литературоведение наше крайне скучно и непоэтично.

Соскис

Вы уже о том говорили... Есть такой еврейский анекдот... Муж заметил своего приятеля, выходящим из подъезда своего дома... То есть из подъезда того дома, где жил он, Хаим... (начинает, давась смехом) с женой Сарой... Впрочем, не сейчас... (смеется). Кушайте сардельки...

Чернокотов (Трушу)

Прохаживаются... (указывает пальцами на Эдемского и Кугушева). Подружился Иван с куриной лапкой... Олег-то... Этот русской жалобы не подпишет... Эх, размял бы я косточки... Труш

Труш

Тише, Вася... С умом надо...

Шмулер-Дийсный (сидя за столиком, Монцевичу)

В Сочи в ресторане есть блюдо „Закуска мельника“... Бронебойная... (смеется). Сало, огурцы, чеснок, какая-то жуткая трава... Проглотишь, пока по кишкам идет — ничего, а как до желудка дойдет, человек падает (смеется).

Монцевич

А я люблю острое. Мне уже шестьдесят лет, а желудок, как хронометр. Это без преувеличений... Мне кажется, вообще все наши беды от преувеличений... Хе... фи... эп... эп... Вот и здесь, на редсовете... Почти каждый выступающий преувеличивает... Поэтому... Хе... фи... Скандальная ситуация...

Шмулер-Дийсный

Я говорил об этом Вартастьянцу...

Монцевич

Помню, в молодости был у меня приятель. Девушки доставались ему тяжелым трудом, но он делал вид, что получает их легко... (жует сардельку). Буфет отвратительный, кормят здесь — хуже некуда... Единственное сочное блюдо — сама буфетчица... А... хе... фи... эп... эп...

Шмулер-Дийсный

Как много еще в вас жизненных соков... Завидую вам (смеется).

Монцевич

Что?... А., фи... эп... Ха-ха-ха... (смеется).

Касьяновна (у буфетной стойки)

Мне триста граммов мирмилада.

Валя(разливая кофе)

Подожди, Касьяновна...

Касьяновна

Чтоб вы все сгорели... (отходит).

Вартаньянц (выходя из задней комнаты и подходя к буфету).

Валя, три порции салата... То есть четыре...

Чернокотов (Трушу)

Это он Федота не учел... Федот все время между ног болтается (смеется).

Вартаньянц (Колмаковой)

Ольга Юрьевна, пойдёте с нами... (Вале.) Пять порций салата и курица с рисом.

Колмакова

Нет, спасибо, я, может быть, позже, минут через пять (смотрит в дальний угол, где Эдемский беседует с Кугушевым).

Лобачев (Соскису)

А Вартаньянц выглядит ужасно... На заседании я как-то не разглядел.

Соскис (наклонившись, тихо)

Ему месяца два осталось... Ну, три, от силы... Это, кстати, к вашему разговору о последних минутах неталантливой жизни...

Лобачев

Что вы... Рак?

Соскис

Рак... Убийца века... Разрезали и зашили... Опухоль дала метастазы... В общем — конец...

Лобачев

А он знает?

Соскис

Трудно сказать... Конечно, от него скрыли, но, возможно, он догадывается... Психология смертельно больного ведь тоже загадка...

Лобачев

Догадывается, но не верит... Я бы тоже не верил до конца... Нет страшней смерти, чем от неизлечимой болезни... Это смерть на дыбе, под пыткой... А застенком служит твоя собственная спальня...

Соскис

У меня был приятель, страшно смерти боялся... Бывало, заговорит со мной — как это я, Миша, умирать буду... Вообразить не могу... Наверно я за минуту до смерти с ума сойду... И ничего, с ума не сошел. Умер не хуже других (смеется, жуя сардельку).

Входит Жуовьян.

Колмакова (обрадованно)

Сереза, хорошо, что ты вернулся, я думала домой поехать.

Жуовьян

Где Рома? Я ведь говорил, эта разноцветная банда его раздавит.

Колмакова

Значит, ошибся. У нас все в порядке, Хомятов здесь.

Жуовьян

Ну и что, что это меняет?

Колмакова

Странные вы ребята, и ты, и твой приятель. Пока мы с Зоей добились, чтобы Хомятов позвонил Вартаньянцу... Мы этим делом до редсовета начали заниматься.

Жуовьян

В том-то и дело.

Колмакова

Но ведь добились... Он специально приехал... В общем, в этих делах вы оба ничего не смыслите... Сейчас речь о том, чтобы помочь Ромке... Чтобы приняли работу хотя бы как вариант... Если работу задавят, Ромке будет плохо... Это клеймо, с которым ему никуда не сунуться... И вообще, надо погромщиков поставить на место... Сейчас не сорок восьмой год... В общем, надо Рому представить Хомятову.

Жуовьян

Да не станет он искать покровителей, особенно через женщин. Ведь еще Чацкий заклеил: „Я езжу к женщинам, да только не за этим“.

Колмакова

Ах, ребята, ребята... Некогда мне объясняться, скоро перерыв кончится. Пойди Кугушева отвлеки... Кугушев в него вцепился, никак не наговорятся... Ну, прошу тебя, Сережа, если ты Ромке друг... Ведь мы с Зоей специально старались...

Жуовьян

Ладно, попробую (идет в угол, где беседуют Кугушев и Эдемский).

Эдемский

У Достоевского женщины вызывают или сладострастие или жалость, эта любовь изначально осуждена на гибель, в ней нет светоносности. „Я вас истреблю“, — говорит Версильов Екатерине Николаевне... Помните, в „Подростке“... Безднадежность тут необычная... Не безответная любовь... Нет, тут физиология... Тут однопольность... Замкнутость мужского начала... Неспособность к соединению, к цельности. Под ликом любви все та же алчная свобода индивидуалиста. Идеал Содомский... Все то же беснование...

Кугушев

Как раз наоборот... В царстве Карамазовых загублена человеческая свобода, возвращенная лишь Алеше через Христа...

Эдемский

Вот здесь и ошибка... Здесь риторика и публицистика подобная псевдораскаянию Раскольниковца в коленях у Сони... Помните, там на берегу... Псевдовоскресение... Даже по пластике описание этого воскресения скорее на эпилептический припадок похоже. Это не добро, а личина добра, хотя, может, и искренне, но только в тот момент... Припадки добра и доброты после ясного, цельного художественного злодейства...

Жуовьян (подходя)

Я краем уха услышал... Это, верно, насчет личины добра... Сегодня главное в борьбе со злом — сорвать с него маску добродетели... Обнаженное зло, раскрытое зло, может, и сильней свирепствует, но зато быстрее гибнет, как скорпион в собственном яде... Трагедия мира не в существовании зла, а в чересполосице добра и зла... Зло, сражающееся со злом, не ослабляет, а усиливает друг друга...

Эдемский

Простите, вы не знакомы? Это мой товарищ Сергей Жуовьян...

К у г у ш е в.

Очень приятно... Так о чем вы?

Эдемский

Изредка, правда, являются мальчики кровавые в глазах в виде изнасилованной и утопившейся девочки, например... Помните, у Свидригайлова...

Жуовьян

Да что Свидригайлов... Помните разговор Достоевского с Тургеневым?.. Покаяние Достоевского Тургеневу, которое Тургенев не принял... Нарушил христианскую заповедь, высший христианский закон, как он понимался Достоевским... Достоевский ведь ожидал слезы, покаяние, поцелуи, а вышло — холод и аристократическая брезгливость... Я мерзок, сказал Достоевский, но вы еще более мерзки... И с тех пор они враги...

Эдемский

Но это так, припадочек... Здесь раскаяние как припадочек... но спасение только в недоступном идеале семипудовой купчихи, ставящей Богу свечку. А поскольку это третье решение недоступно, поскольку налицо дилемма — тварь дрожащая или впасть, то вот она, ясная, чуть ли не в лозунги уложенная, антибиблейская идеология (он раскрыл папку, порылся в бумагах и прочел): „Преступление? Какое преступление! — вскричал он вдруг в каком-то внезапном - бешенстве... То, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушку-процентщицу, никому не нужную, которую убить — сорок грехов простится, которая из бедных сок высасывала... и это преступление?" — „Брат, брат, что ты говоришь, но ведь ты кровь пролил, — в отчаянии вскричала Дуня..." — „Которую все проливают, — подхватил он чуть ли не в испуге, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии..." И это говорится в самом конце, накануне раскаяния... Это художественно цельно сформулировано незадолго до малохудожественного риторического „воскресения"... Это ли не двадцатый век, это ли не из современных газет слова, это ли не классовый идеологический терроризм?

Жуовьян

Но не извне, а из глубин своего тела первоначально извлеченный. Это Иван Карамазов, богоборец и националистический атеист... Из чужих рук и в готовом виде, а виде лозунгов это позднее Смердяковы получают. Здесь же идеология терроризма вся телом рождена, выбросом адреналина из мозгового слоя надпочечников в кровь... Здесь литературовед без помощи медицины все-таки обойтись не может.

Кугушев

Вы имеете в виду своеобразие формирования личности писателя?

Жуовьян

Хотя бы... Здесь перейдена та грань, где без анализа личности невозможно... Ведь ни у кого из великих русских писателей отец не совершал низкие сексуальные извращения над матерью на глазах у ребенка, приведшие к первому приступу эпилепсии... Ни у кого отец не был линчеван толпой дворни, мучительной смертью, оттого, что мужские органы его были раздавлены камнями, за насилие и разврат над деревенскими девочками... Нет, здесь литературоведу без медицины не обойтись... Здесь не обычная неврология, а психопатия... А вспомните четырехлетнего ребеночка, которому жид пальчики обрезал, а потом на стенке гвоздиками распял... Такой образ чернилами не напишешь... Тут даже крови недостаточно и желчи... Тут

сперма нужна... Тут фрейдистский антисемитизм... Тут через антисемитизм раскрепощение полового напора...

Кугушев

Но ведь на том гноище, каким залиты страницы Достоевского, из этого гноища-то и вырастает чудное созерцание судеб человека на земле.

Жуовьян

Из этого гноища вырастает пряный, острый, опиумный цветок личной свободы, а не святой женственный цветок любви.

Кугушев

Да, Достоевский был против навязанной извне любви и гармонии... Он видел к ним путь только через страдание и личную свободу.

Жуовьян

Пути любви и пути свободы противоположны... Абсолютная любовь есть полная несвобода.

Эдемский

Но примирение этих двух начал дано в Нагорной проповеди, в кажущемся противоречии древнего закона и евангельской любви... Достоевский ошибочно вкладывал в свободу духовный смысл... Любовь есть понятие духовное, свобода же понятие телесное, сопричастное к преступлению и закону... Справедливая свобода есть иллюзия, всякая справедливая свобода должна быть иллюзией, рожденной и ограниченной справедливым законом... Индивидуальная материализация свободы ведет к ее исчезновению через зло.

Кугушев

И все-таки, невзирая на свою болезную судьбу, он был добр... Просто по-человечески добр.

Жуовьян

В высоком смысле, в понятии, венчающем это явление, добр он не был... Но расчувствоваться мог весьма легко и искренне в текущие моменты... И все это обязательно по-немецки, со слезой... В доброте своей он русский менее всего, покоя в его доброте нет. Если в злобе есть у него русское самозабвенье, то в доброте он менее всего русский...

Колмакова (подходя)

Я вижу, ребята, вы увлеклись. Но подумайте и о сардельках.

Кугушев

Да, верно (улыбнувшись). Вот вам и женское начало... Итог всякого спора — и простого, и сложного — доступен только женщине... (Идет к бунфетной стойке.)

Колмакова (Эдемскому)

Можно тебя,Рома...

Эдемский (отходя вместе с ней)

Ну что еще?

Колмакова (нервно)

Что еще... как еще... Почему ты так груб?

Эдемский

Ну, начинается...

Колмакова (задрожавшим голосом)

Как ты несправедлив...

Эдемский

Я ведь знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я пошел поклониться в ножки этому либеральному вельможе... Искал у него защиты...

Колмакова

Ну черт с тобой, на тебя лично мне наплевать, но твоя работа... Нельзя позволить, чтобы погромщики и черносотенцы затоптали ее... Сейчас не сорок восьмой год...

Из задней комнаты появляются Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Петрузов.

Петрузов (Хомятову)

Карл Маркс сказал: если вы на вершине государства играете на скрипке, то можно ли удивляться, что стоящие внизу пляшут... Нельзя преувеличивать, но нельзя и пренебрегать ролью личности...

Колмакова (хватает Эдемского и почти насильно подводит его к Хомятову)

Алексей Иванович, разрешите представить вам автора работы...

Карабинович

Это тот самый Эдемский, о котором я говорила... Упрямый и талантливый...

Хомятов (улыбаясь)

Как же, как же, слышал... Знакомился с вашей работой... Впечатляет... Хоть и не без греха (смеется). Конечно, я не против гипотез и легенд в литературоведении, но считаю, что духовная жизнь такого художника, как Достоевский, гораздо шире...

Карабинович

Но главное ведь в пафосе работы... В ее основе...

Хомятов

Да, с основой я согласен... Как ни велика амплитуда колебаний Достоевского, тем не менее он ставил перед людьми разлагающегося общества идеал русского социализма, который был все-таки заимствован в школе Белинского, Герцена, Петрашевского, в учениях утопического

социализма, а не в церкви... В этом смысле постановка вопроса об атеизме Достоевского весьма своевременна.

Эдемский

Я ставил вопрос не в этом смысле...

Карабинович

Спорщик... Спорщик до мозга костей...

Хомятов (улыбаясь, похлопывая Эдемского по плечу)

Молод, смел, неистов... Я тоже в молодости пытался доказать всем и все... Классиков отвергал... Все ругал, кроме, конечно, советской власти...

Петрузов

Вспомнилась мне сейчас одна история... Был у меня приятель, кстати, по национальности еврей... Человек видный из себя, заслуженный... храбрый, но тоже спорщик... В войну направляли его на строительство какого-то крупного завода в тыл, а он ни в какую, только на фронт рвется... Чего только с ним ни делали — ни в какую... Наконец, сообщают ему — вызывает вас товарищ Сталин. Является он в кабинет, Сталин сидит за столом и пишет, не поднимая головы. Пять минут проходит, десять проходит, пятнадцать, полчаса проходит, Сталин пишет, а приятель мой Яков стоит навтыяжку... Наконец Сталин поднял голову и сказал: „Тыл — опора фронта!“ — „Слушаюсь“, — отвечает Яков. Кругом повернулся и в тот же день поехал на выполнение задания (начинает смеяться, но, заметив, что кругом молчат, тоже замолкает. Неловкая пауза).

СОСКИС (подходя)

Все спорят молодые люди. Я, Алексей Иванович, в этом случае всегда Шиллера вспоминаю. Молодые люди — потом разбойники...

Хомятов

Как же... Это Франц Моор говорит...

Эдемский

Нет, это ремарка при перечислении действующих лиц... Но там сказано — развратные молодые люди...

Хомятов

Вот в том-то и дело...

Вартаньянц

Я всегда был за установление с автором договорно-финансовых отношений... Однако, на мой взгляд, следует еще поработать... Избавиться от бердяевщины, от некоторого налета фрейдизма... От детских болезней... У талантливого человека это все равно что корь или коклюш...

Хомятов

Да, поработать еще следует... Прежде всего надо помнить, что Ариадниной нитью для всякого объективного суждения о Достоевском может быть только история (к Эдемскому). Рад был с вами познакомиться...

Эдемский

Я тоже... Спасибо за внимание... (Отходит к буфету. Хомятов, Вартаньянц, Карабинович и Колмакова выходят.)

Чернокотов (сидя с Трушем за столиком)

Вон они, коршуны, тело русское клевать собрались... А главный- то обер-иуда... Зойка Карабинович, говорят, его любовница... С женой еврейкой нашего мужичка пополам делят...

Труш

Тише, Вася, захмелел ты... Напрасно две рюмки подряд выпил...

Чернокотов

Опять тише... Все тише... Все в своем отечестве тише... Русские мы или не русские...

Труш

С умом надо...

Чернокотов

С умом... Все с умом... А ум — это не русское слово... По-русски сердцем жить надо (замечает Сашеньку, которая с Ириной Моисеевной и Жуовьяном сидят за столиком). Нравится мне эта девочка... Сонечка Мармеладова... Бледненькая... Так бы и расцеловал все пальчики...

Труш

Жениться тебе надо, Вася...

Чернокотов

Жениться... Сейчас в основном смешанные браки... Интернационал в постели...

Петрузов подходит и садится за столик к Чернокотову и Трушу.

Петрузов

Все ругаешься, Вася...

Чернокотов

А ты, Федот, аксиому номер один знаешь?

Петрузов

Какую аксиому?

Чернокотов

Если от головы в ее затылочной части опуститься на восемьдесят—девятьдесят сантиметров, то обязательно обнаружишь задницу (смеется, Труш тоже смеется).

Петрузов (сердито)

Напрасно ты, Вася, грубостью спасаешься... Я ведь тебя насквозь вижу... И живешь из-за угла... Если русский в России из-за угла живет, это, знаешь, не по-русски и не по-советски. Я давно с тобой хотел поговорить...

Труш (с вызовом)

Я, что ли, мешаю?

Петрузов

Мешаешь... Прошлое наше потом и кровью залито, а ты на этот пот, на кровь русскую дорожную грязь...

Труш

России русское прошлое дорого, а не тридцать лет сталинизма да триста лет татарщины...

Чернокотов (наклонившись)

Хорошо еще, что евреев при татарщине не было на Руси... Двойной оккупации Русь бы не выдержала...

Петрузов

Все не по делу, Вася, говоришь... Все в антисоветизм уклоняешься... Дурно кончишь на этой дорожке...

Чернокотов

Надоели мне старые термины, Федот... Мне что советизм, что антисоветизм, что говядина... Третья сила нужна... Сейчас в газетах пишут о третьем мире... России тоже свой третий мир нужен... Я, может, общество имени Федора Достоевского основать хочу... Русского патриота Достоевского...

Петрузов (оглядываясь)

Болтаешь сам чего не знаешь... Попадешь с тобой под семьдесят первую статью (отходит и присоединяется к Кугушеву, о чем-то с ним заговорив) .

Труш

У тебя голова есть?

Чернокотов

Он меня не продаст... И бумагу нашу подпишет... Я был неправ, я теперь понял... Я Федота понял, это русская деревенская дворняжка... Давай еще по одной (разливает незаметно и доликает в рюмки нарзан).

Монцевич (Шмулер-Дийсному)

Мне недавно пришлось быть на симпозиуме в Белграде... Да... Хе... фи... эп... Весьма напоминает по направлению данный редсовет... Югославия — страна замечательная, но славянство... Стоит сорваться с точки опоры... Мне один товарищ так и сказал...

Шмулер-Дийсный

Да, я недавно в Варшаве тоже столкнулся... Там, правда, свои проблемы, особый ракурс, который до сих пор не выветрился... Сто лет назад Достоевский писал о том, что Польша является главным конкурентом России на руководство в славянском мире... Представьте, к моему удивлению, я столкнулся с подобными элементами... Разумеется, в завуалированной форме... С первого раза и не подумаешь... А на какую тему был белградский симпозиум?

Монцевич

Дело не в теме... Дело в том, что там частности... хе... фи... эп... возобладали... Явились разговоры о революционности неохристианства, о том, что бессмертие делает равными не только живых, но и мертвых, а это дополняет Маркса... И так далее... Договорились до того, что бессмертие реально на том, мол, основании, что человек боится смерти (смеется). В общем, покойники всех стран, соединяйтесь!

Шмулер-Дийсный

Весьма научно (тоже смеется). Знаете, в Польше, несмотря на новый путь развития, по-прежнему силен дух католицизма... Матки Боски... И это в самом неожиданном является... Один католик, кстати, махровый антисемит, извлек на свет тезис, например, о том, что если коммунизм есть исторический факт, то он угоден Богу... Весьма научно... Старые песенки на новый лад (смеется). И конечно же, образ Христа как первого революционера... Это стало стандартом... И еще один любопытный момент: после соприкосновения с Польшей многие стороны Достоевского более ощутимы. В восприятии Достоевским мира есть элементы польской психологии... Купорос... Едкость... Это не русское... Гоголь язвителен по-иному, холода в его язвительности нет...

Монцевич

Ну, предки Достоевского из села Достоево... Это Западная Белоруссия... Так что география подтверждает..

Чернокотов, уже некоторое время прислушивавшийся и приглядывавшийся то к столику Монцевича и Шмулер-Дийсного, то к столику, где сидит со стенографистками Жуовьян, воспользовавшись тем, что Труш отвлекся каким-то разговором с Лобачевым, встал, двинулся было в сторону Сашеньки, но, уловив некую фразу со стороны Монцевича, круто повернул в его сторону.

Чернокотов

Прошу прощения, представиться хочу... Чернокотов Василий, потомок казака Чернокота, который рядом с Ермаком Тимофеевичем, покорителем Сибири...

Монцевич

Хе... фи... пи... Вы о чем?

Чернокотов

О чем... О многом... Вы вот Достоевского у России отнять хотите, к полякам его прописать, а известно вам, например, что православные чистилища не признают в отличие от католиков... Наша русская горькая история сделала для нас мучения ада смешными... Ад нам страшен только скукой, а не мучениями... Это закопченная деревенская банька с пауками, в которой безвыходно сидеть надо и которой Свидригайлов испугался... Вечности в баньке... Вечность — это ведь очень долго... Это у Достоевского точно подмечено — „банька с пауками“.

Шмулер - Дийсный

Вы об образе из „Преступления и наказания“ говорите, молодой человек?

Чернокотов (с усмешкой).

Точно. (Садится за столик).

Шмулер-Дийсный

Извините, как вас там... Не знаю, объясняли ли вам ваши родители, что вот так вести себя неучтиво... Вмешиваться в чужой разговор, и вообще...

Чернокотов

Я сирота... Воспитывала меня, в основном, общественность и комсомол... Может, и допустили какие-нибудь ошибки... Согласен, признаю... Еще один вопрос и удаляюсь... Кто был Иисус Христос по крови?

Шмулер-Дийсный

Прекратите хулиганить, вас выведут...

Труш (торопливо подойдя)

Извините, он выпил. Пойдем, Вася...

Чернокотов

Нет, подожди (кричит). В Иисусе Христе не было ни капли семитской крови... Я утверждаю это категорически и научно обоснованно... Согласно древним рукописям... Это вам не Карл Маркс...

Жуовьян

Я совершенно согласен с Чернокотовым... В Иване Христе семитской крови нет... Он родился в Рязани, где окончил церковно-приходское училище.

Ирина Моисеевна (Жуовьяну)

Не надо связываться с хулиганом.

Чернокотов (Ирине Моисеевне)

Я, тетенька Бася, не хулиган... Я русский молодой человек. Хотел бы пригласить на вальс русскую девушку Сонечку Мармеладову (с силой отталкивает удерживающего его Труша и подходит к столику). Сонечка, можно вас на вальс?.. Вы не смотрите, что музыка не играет, она у меня в

сердце звучит... А не хотите полюбить, то хотя бы пожалейте... Вы ведь русская, а на Руси любят несчастных... И Федор Михайлович любил.

Сашенька

Отстаньте.

Чернокотов

И это весь ваш ответ, Сонечка?

Сашенька

Отстаньте, прошу вас...

Жуовьян (поднимаясь и становясь перед Чернокотовым)

Сказано тебе — отстань... (толкает Чернокотова, тот едва удерживается на ногах. Услыша шум, заглядывают любопытные).

Колмакова (испуганно)

Что здесь? Пьяная драка? (к Эдемскому). Ты не вмешивайся, работу погубишь, они только и ждут повода...

Эдемский (раздраженно)

Чего ты хочешь?

Колмакова

Ну черт с тобой, пропади пропадом...

Чернокотов

Береги свое лицо от удара в морду (толкает Жуовьяна так, что тот едва удерживается на ногах, чуть не сбив вбежавшего Соскиса).

Соскис (испуганно)

Что такое? (к Жуовьяну.) Немедленно прекратите безобразничать, к вам будут приняты меры... (к Чернокотову.) Успокойся, Василий... Домой тебе надо... Элем, дай я с ним поговорю... Вот так у нас... Умеют наши интеллигентики затравить талантливого деревенского парня... Василий, послушайте, вы ведь неглупый человек, зачем вы губите свое будущее?

На шум входят Хомятов, Вартаньянц и Карабинович.

Хомятов

Что здесь происходит?

Карабинович

Этот тип с самого начала явился редсовет срывать.

Вартаньянц

К нам он никакого отношения не имеет, с редсовета его выставили, так вот снова явился.

Хомятов

А что это за личность?

Карабинович

Чернокотов, бывший студент университета... Исключен за национализм и неуспеваемость...

Хомятов

Пора кончать либерализм по отношению к таким...

Чернокотов (вырываясь из рук Труша и Петрузова)

Кончать со мной хочешь? Ты, мужичок, на семитских бульонах растолстевший... Ух, ненавижу... Мучители России... Прав Достоевский, прав... Потому и псов своих на него травите... От жидовства смердит на Руси...

Хомятов (покраснев)

Да его в тюрьму... Антисоветчик... Мерзавец... (Грозит пальцем.) Я тобой займусь, антисоветское отродье... Сволочь... Товарищ Вартаньянц, сейчас немедленно составим протокол...

Вартаньянц

Безусловно, совершенно согласен...

Петрузов

Он не в себе, товарищ Хомятов... Болен он... Смотрите, дрожит весь...

Хомятов

Ничего, я его вылечу... Упеку куда Макар телят не гонял...

Чернокотов

Упеки, упеки, бундовец... (Хватает стул с металлическими ножками, поднимает его над головой.) А ну, подходи... Ух, ненавижу...

Вартаньянц (с испуганным лицом)

Вера Степановна, где Иван?

Вера Степановна (с испуганным лицом)

Я уже послала за ним...

Чернокотов (в злом веселье, вращая стулом)

Подходите, твари дрожащие... Я вот он... Я перешагнул... Преступил... Я власть имею... В рожи ваши семитские я кричу, русский я... Какое счастье быть русским во всеуслышание...

Петрузов

В психиатричке дважды он уже лежал... Болен он, приступ у него...

Валя (от буфетной стойки)

Уймись, Василий... Прощения проси... Ведь пропадешь...

Чернокотов

Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Ленин говорит, маму надо слушаться... (хохочет).

Карабинович (Хомятову, тихо)

Пятнадцать сутками он не должен отделаться, слышишь, Алеша...

Хомятов (с ненавистью)

Это типичная идеологическая диверсия...

Труш

Да погоди, Вася, дай что скажу...

Чернокотов (вращая стулом)

Не подходи, никто не подходи... (ударом стула сбрасывает с ближайших столиков посуду).

Касьяновна

Фараон, чего посуду бьешь... Чего соришь, чтоб ты сгорел...

Вартаньянц (раздраженно)

Да где же в конце концов Иван?

Хомятов (зло)

Что Иван... Милицию почему до сих пор не вызвали?

Валя (со слезами)

Вася, Михаил Залманович с тобой говорить хочет...

Чернокотов

Это большой друг русского народа... Милости просим...

Соскис

Вася, перестань стулом размахивать, я говорить с тобой хочу..,

Чернокотов

А на каком языке, Михаил Залманович... Я ведь по-еврейски говорить не умею (замахнулся стулом, так что Соскис едва успел отскочить и уронил очки).

Петрузов

Что ж ты делаешь, негодяй... Михаила Залмановича чуть не ударил...

Чернокотов (напевает)

Залмановича чуть не ударил, Соскиса чуть не ударил...

Петрузов (Хомятову)

Вот видите, не в себе он...

Хомятов (зло)

Ничего, мы этим славянофильствующим антисоветчикам мозги вправим...

Вера Степановна

Иван идет...

Входит Иван. Это высокий широкоплечий мужчина с деревенским лицом.

Вартаньянц (сердито)

Иван, где же ты ходишь?

Иван

Прошу извинения, за папиросами отлучился... А кого вывести надо?

Чернокотов

Меня, колхозник... (Внезапно изо всех сил ударяет Ивана стулом, попадает по плечу).

Иван (скривившись от боли)

Ох, ядрено сало...

Общий крик. Смятение.

Хомятов

До каких пор это безобразие будет продолжаться, где милиция?

Иван (потирая руку)

Не беспокойтесь, гражданин начальник. Мы его без милиции возьмем...

Чернокотов

(в нем произошло новое изменение, исчезла хулиганская веселость, явился бешеный гнев).

Что, колхозный активист... Распнешь Россию, мать старуху за краюху хлеба... Раскулачишь... (и он плюнул Ивану в лицо).

Снова взрыв всеобщего возмущения.

Петрузов (Чернокотову)

Ты что, дурак, мерзавец... Ты кому плюешь... Мужику русскому плюешь...

Иван

Ничего, я утрюсь... (Изловчившись, ударяет ногой в живот Чернокотова, тот согнулся от боли. Заголосила Валя).

Вартаньянц

Иван... Ты... Так не надо...

В этот момент Чернокотов изо всех сил ударил Ивана стулом по голове.

Чернокотов (дрожа от ненависти)

Что, сволочь... Такие в матросских бушлатах царя в проруби топили... Вместе с евреями... Царь-отец детям своим ладонями глаза закрывал... Кровопийцы.

Далее все наблюдают за происходящим, как бы оцепенев. Иван вскакивает с окровавленным лицом, бросается к Чернокотову. Чернокотов еще несколько раз ударяет Ивана, но тому наконец удается повалить Чернокотова, и он начинает бить и топтать его ногами. И тут из Чернокотова вырывается навесь откуда взявшийся, (ибо разговаривал и кричал он низким, прокуреным и пропитым голосом), навесь откуда взявшийся, совсем почти детский, мальчишеский крик, звонкий и долгий... Первой опомнилась Валя, она бросилась и вцепилась в Ивана. Подбежали и Труш с Петрузовым.

Труш (к Ивану)

Ты что, сукин сын... Ты человека убиваешь... Ты человека...

Чернокотов лежит неподвижно, Иван стоит, тяжело дыша, в разорванной рубаше, утирая с лица кровь.

Вартаньянц (бледный, с отвисшей челюстью)

Ты, Иван, иди... Иди к себе, Иван...

Валя и Петрузов поднимают Чернокотова, ноги его подгибаются, лицо заплыло от побоев. Вдруг громко заплакала Сашенька.

Чернокотов (с трудом повернув голову)

Уведите девочку, пусть не смотрит.

Ирина Моисеевна уводит Сашеньку.

Вартаньянц (растерянно)

Кто бы мог подумать... Иван... Тихий вроде бы человек... Надо принять меры...

Труш (подойдя твердой походкой, зло)

Вам не удастся, Павел Дмитриевич, свалить вину на стрелочника... Это вы велели Ивану избить Чернокотова...

Вартаньянц (испуганно)

Что вы такое говорите. Элем Анатольевич...

Труш

Вам не удастся... Здесь под крылышком Хомятова... (Поворачивается к Хомятову.) Мы напишем, мы обратимся к общественности... Сейчас не сталинские времена... Вы устроили здесь подлое судилище над русским гением... Над Федором Михайловичем Достоевским... Волны грязи и пошлости накатывались на это святое для каждого русского человека имя... А когда это вызвало законное возмущение, вы воспользовались человеческими слабостями нездорового человека и сталинскими методами... Да... пытки возрождать хотите...

Хомятов

Вы думайте, что говорите, молодой человек... Вы уже давно совершеннолетний, будете отвечать за свои слова...

Труш

Нэ пугайте, не страшно... Мы весь свой испуг в прошлом оставили...

Петрузов

При чем тут Сталин, при Сталине никогда бы такое не случилось...

Жуовьян

Это верно... Тогда в литературных учреждениях никогда не избивали... Это уже беспорядок...

Хомятов (Жуовьяну)

А вы, молодой человек, тоже поменьше болтайте... Вами тоже следует заняться... Выяснить, что вы за птица и каким идеологическим зерном питаетесь...

Карабинович (Хомятову)

Пойдемте, Алексей Иванович... (Выходят.)

Соскис (Вартаньянцу)

Видите, как хорошо, что я не вызвал милицию... Ситуация сложная... Лучше всего тихо с ней покончить (к Чернокотову). Ну как ты, Вася?

Чернокотов

В груди жжет... Пить хочется...

Соскис

Ты талантливый парень, Вася... Тебе работать надо...

Петрузов

Так я ж ему предлагаю работу...

Соскис

Вот Федот предлагает... И я помогу... Любят наши интелепигентики деревенского парня затравить... А ты, Вася, повод даешь... Безобразно ты себя вел, между нами говоря...

Валя

Пойдем, Вася, в заднюю комнату... Я тебе лицо спиртом промою... Лучше всякой „скорой помощи"... Скотина, как парня побил... (Кривясь от боли и опираясь на Валю, Чернокотов уходит.)

Соскис (Вартаньянцу)

Ивана надо немедленно уволить... Он нас когда-нибудь очень подведет... Помните, в прошлом месяце он старика в спину толкнул...

Вартаньянц

Да, да... Конечно...

Монцевич

Так состоится ли после этого... Хе... фи... эп... апокалипсического перерыва вторая половина редсовета?..

Вартаньянц

Немного подождите... Прошу вас... Сейчас выяснится... Какое ужасное ЧП... Михаил Залманович (он берет Соскиса под руку и они отходят, тихо разговаривая) .

Жуовьян садится рядом с молча сидящими Колмаковой и Эдемским.

Эдемский (тихо)

Я, Сережа, сейчас снова сон свой вспомнил... Помнишь, про черта, полностью на черта Достоевского не похожего и даже черта Достоевского отвергающего... Помнишь черта Достоевского?

Жуовьян

Того веселого неопрятного господинчика в потертом фраке... Интеллектуала...

Колмакова

Ты так мне свой сон и не рассказал... Сереже рассказал, а мне нет (ежится). Меня озноб трясет... Какой ужас... Посмотри, какие у меня руки холодные (прикасается ладонью к щеке Эдемского).

Эдемский

Была оттепель, беспокойная ночь, дождь пополам со снегом... Дождь в декабре... Заснул поздно. Снится, иду я где-то, где уже не помню, вижу играют собаки между собою, и чудится среди них то ли крупный козел, то ли свинья, то ли некое непонятное существо, тоже с ними играет... Однако страха не испытываю и приглядываюсь к их игре с удовольствием. Я люблю, когда животные между собой играют... И тут замечаю, не козел это и не свинья, а все-таки собака... Вернее, пес... Это слово более к месту... Ростом с крупного козла, шелудив, клочья серой длинной шерсти на нем, грязен он и голоден, завалившийся живот, рахитичные лапы, большая голова — то ли собачья, то ли волчья... Продолговатая... Огромные глаза, серые, мокрые... Сливы водянистые — вот какие глаза... Но разрез глаз не поперек морды, как обычно, а вдоль... Я подошел ближе, собака остановилась, играть бросила, повернула ко мне голову и смотрит недобро, но без видимой злобы. Холод, вот что там во взгляде... Глаза серые, но это не цвет живого серого глаза, а серость воды в дурной день... Однако я не пугаюсь, а как

обычно, когда вижу большую, опасную собаку, поворачиваюсь и ухожу. И только проснувшись, понял — это бес.

Жуовьян

Бес — понятие весьма переменное. Идея Бога так же переменна, но по-иному... Пока сменяется одна идея Бога, успевает смениться десяток бесовских идей.

Колмакова (по-прежнему дрожа)

Какая разница между Богом и идеей Бога?

Жуовьян

Идея Бога рукотворна.

Колмакова (дрожа)

А идея беса? По Достоевскому, дьявол поселяется не в низших, а в высших сферах человеческой психики. Он — интелтуал.

Жуовьян

Я не согласен... Интеллект может служить дьяволу, но только лишь как коллаборационист.

Эдемский

Это все оттого, что Достоевский не понял злую силу физического голода, силу его напора и созидания. Та часть интеллекта, которая дьявольски искушает, находится лишь в трусливом услужении у первородного физического голода, могущество которого в его несчастье...

Колмакова

Фу, за разговорами и успокоилась... Эта история так меня напугала... Какая жестокость...

Жуовьян

Вот она трагедия... И здесь негодяй неуязвим... Совершая зло и несправедливость по отношению к негодяю, мы его морально реабилитируем... Вот аспект христианской заповеди, видимой ясно в двадцатом веке... Но что же делать? Иными словами, справедливое возмездие, заставляющее негодяя страдать, придает ему человечность и лик Божий, которого он недостойн... Иисус не жалел негодяя, бьющего тебя по щеке, он хотел его покарать более страшной мезтью, лишив права страдать и тем самым обнаружить лик Божий... Но нам в текущей жизни как покарать негодяя, не заставляя его при этом страдать? Вот подлинная проблема гуманизма девятнадцатого века, которую мы получили в наследство неразгаданной.

Эдемский

И это несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия русской литературы и все его апостолы.

Колмакова (которая заметила Карабинович, делающую ей какие-то знаки).

Пойдемте, ребята, в коридор, погуляем, душно здесь.

Эдемский

Несмотря на то, что этой проблемой мучился мессия Александр и апостолы Михаил, Николай, Лев, Федор, Антон...

Колмакова

Вы забыли Ивана... Вот Тургеневым бы тебе, Ромка, заняться с твоими способностями.

Жуовьян

Раздача литчинов для энциклопедии... А Федора я все же из апостолов исключил.

Колмакова. (раздраженно)

Но Достоевский первый на обозримом нами и близком нам отрезке цивилизации расщепил человеческую душу, и с этим ничего не поделаешь... Он совершил в литературе то, что Кюри совершил в физике... Или Нильс Бор, в общем, не помню...

Жуовьян

Да не расщеплял он души... Как говорится, не было этого... Он первый заговорил о том, о чем ранее принято было молчать, хоть оно с давних времен известно если не всем, то многим. Он первый превратил в проблему и в материал для исследования физиологические отходы души... Ведь у души, как и у тела есть свои физиологические отходы, и физиологические отходы души точно так же не терпят публичности, как и физиологические отходы тела... Но, безусловно, эта интимность многих тяготит, особенно в бездуховные времена, ибо единственно где нормальный человек не тщеславен, это в пороках как зависящих от него, так и не зависящих... Именно нормальный, здоровый человек... Творчество Достоевского называют больным, но подавляющее число его поклонников люди клинически здоровые, с хорошим аппетитом... Истинно больному человеку Достоевский вообще чужд и ненужен... Особенно тяготится интимностью порока демократическое общество, где силы раскрепощены от проблем тоталитарного подавления личности государством... Ясно, что того, кто придаст интимности физиологических отходов души хотя бы литературную легальность, такое демократическое общество в свои бездуховные времена увенчает лавровым венком гения... Вот откуда венок Европы на азиатской скуластой голове Достоевского...

Колмакова

(заметив, что Карабинович по-прежнему делает ей знаки и уже открыто машет рукой).

Пойдемте все-таки, ребята в коридор, погуляем... Слишком уж здесь душно... Обратите внимание на просьбу дамы... (Колмакова, Эдемский и Жуовьян уходят.)

Возле курительной комнаты останавливаются Хомятов и Карабинович.

Хомятов

О подобных национал-шовинистических тенденциях к нам поступает немало сигналов... Под невинным предлогом анализа наследия прошлого пытаются реабилитировать такие личности, как Бердяев, Катков, Мережковский, Суворин... То цитаткой, то сравнением... Пытаются подобные манипуляции проделать и с классикой... Особенно с Достоевским... Подать его под собственным ракурсом... И вот, пожалуйста, спор перерос в открытую антисоветчину и даже в безобразную хулиганскую драку...

Колмакова

Какие хулиганы? Это, Алеша, просто погромщики... Особенно этот... Чернокотов...

Хомятов

Да, Зоя, согласен... Я теперь вспомнил, Чернокотов... Кажется, эта фамилия у нас уже проходила... Он привлекался по делу о каком-то рукописном славянофильском журнальчике...

Карабинович.

И вышел сухим из воды?

Хомятов

Ну не совсем сухим... Сборник, который они готовили к изданию, зарезан как славянофильский... Признаюсь, это я приложил руку... А подобный безобразный случай дает новый материал... Это хорошо... что я лично присутствовал... (смотрит на часы). У меня через пятнадцать минут серьезная встреча с одним товарищем, я обязательно коснусь.

Карабинович

Как? Разве ты уезжаешь? Ты не будешь на второй половине редсовета?

Хомятов

Дела, Зоя. Весь этот скандал, все это отняло время... Но я поговорил с Вартаньянцем, моя точка зрения ему известна, работа хоть и спорная, но написана с известной новизной...

Карабинович

Не юли, Алеша... Ты такой большой, такой всесоюзный... фронтовик... От орденов парадный пиджак трещит... Стыдно, когда ты, как мальчишка, неправду говоришь... Уличной шпаны испугался...

Хомятов (раздраженно)

Шпаны, шпаны... Это сложнее, чем ты думаешь... Тебе легко говорить, ты лицо безответственное... С одной стороны, тенденции славянофильские, национал-шовинистические, они подлежат осуждению, тут двух мнений быть не может, но ведь противостоит- то им тоже не наша точка зрения... Не мысль о том, что человек есть высшая ценность поюстороннего мира, и в этом смысле проявляются сильные и слабые стороны творчества Достоевского... Противостоит космополитичность суждений, утверждение о том, что персонажи Достоевского есть плоды каких-то сублимаций их творца... Какие-то комплексы, фрейдизм... И будем прямо говорить, в некоторых местах действительно неуважение к личности русского гения...

Карабинович

Но ведь талант автора не подлежит сомнению, ведь это твои слова... А если ты уйдешь, Соскис и компания Эдемского задавят, не дадут существовать не только здесь, но и в других местах.

Хомятов

А что я могу сделать... Ты думаешь, я Гераклес или член Политбюро... И в конце-то концов, почему я должен рисковать ради человека, который ко мне относится с неуважением. Разговаривал он со мной дерзко, и этот приятель его... Этот Жуовьян...

Карабинович

Речь идет об Эдемском, а не о Жуовьяне. Жуовьян — личность, действительно, безответственная, здесь ты прав... Крикливая личность...

Хомятов

Слава Богу, хоть в одном ты со мной, наконец, согласилась... Не понимаю, Зоя, зачем тебе тратить силы и здоровье на этих нигилистов... Тут, конечно, женская неудовлетворенность (хочет ее обнять).

Карабинович

Перестань, Алеша... Обнимаю Эсфирь.

Хомятов

Ревнуешь... Эсфирь тоже ревнует. Но, во-первых, она жена, а во-вторых, она древних южных кровей... Мы же, русские, молодая нация.. Мы ребячья нация... Нам все игра...

Карабинович

Не сейчас, Алеша. В другой раз об этом... Алеша, помоги талантливому парню, прошу тебя... Вспомни, как много было в русской литературе случаев, когда вовремя поддержанный талант освобождался от наносного, расцветал, приносил богатства незаменимые и невосполнимые для русской культуры... Наверно он как бытовая личность раздражает, но в конце концов...

Хомятов

Ты не влюблена ли в его бытовую личность, моя девочка (улыбается). У русской культуры от собственных талантов полки трещат, ставить уже некуда.

Карабинович

Какой ты сегодня неприятный, циничный...

Хомятов

Я всегда циничен, когда беспокоен... И скажу тебе честно, Зоя, я мало чего могу сейчас сделать. Положение мое как будто и высокое, выше, чем раньше, но раньше я мог больше сделать.

Карабинович

Когда это раньше, при Сталине?

Хомятов

Да, тогда... Не надо все в прошлом подвергать осмеянию и свисту... Это не творческая позиция...

Карабинович

Понимаю... Раньше были снижения цен на мотоциклы и мотороллеры...

Хомятов

Общественная ирония... Вы ведь все по слухам, по пристрастиям... Много было дурного. Я, может быть, значительно больше знаю о дурном, чем ты, но много было и хорошего... Еще до Двадцатого съезда я одним из первых осудил прошлое, в том числе и свое прошлое. Но теперь, когда начинаешь задумываться...

Карабинович

О чем?

Хомятов

По крайней мере я знал, как действовать... Где небо, а где земля... Где право, а где лево... И что надо для того, чтобы помочь человеку... Во время космополитизма я многим помогал и словом и деньгами... И ни разу я не получил анонимки, где было сказано, что я антипатриот, предатель русского народа и покровитель жидов... За прошлый месяц я получил пять анонимок... Пять (он показывает пять пальцев). Такого при Сталине быть не могло... Анонимщики давно б были за решеткой...

Карабинович

Да, тогда все было более централизовано.

Хомятов

Представляешь, Эсфирь совсем сна лишилась... Она боится, что какая-нибудь анонимка попадет в руки ребятам. Старший мой, Андрей, увлекается старинной русской иконописью, собирает старые иконы... И вдруг прочтет, что его отец предатель русского народа... Ты вот смотришь на меня и думаешь: вельможа, трус, консерватор, сталинист, а ведь я тоже каждодневно в тревоге оглядываюсь по сторонам... Вы любите говорить о возрождении общества... Но ведь возрождается и реакционное вольнодумство... Раньше оно лакействовало перед сильной властью, стараясь исподтишка толкнуть ее в нужном направлении, но сейчас оно тоже от контроля освободилось, оно тоже хочет говорить в полный голос и дышать полной грудью... В России либеральный нигилизм есть троянский конь черносотенного нигилизма... Умеренный консерватизм - вот наша надежда...

Карабинович

Так у тебя тоже доктрина?

Хомятов

Не у меня, а у нас... К счастью, таких, как я, еще достаточно в России.

Карабинович

Теория логичная, но одна маленькая неувязка. Вы никогда не задумывались, кто сидит в вашем чреве?

Хомятов

Если они и сидят в нашем чреве, то по крайней мере связаны порядком и субординацией... В оппозиции же свобода излияния.

Карабинович

А тебе не кажется, что при субординации возможно продвижение из чрева по служебной лестнице?..

Хомятов

А это уж позволь нам позаботиться... Старикам... Консерваторам... Помнишь, как Пушкин опасался чрезмерного продвижения по служебной лестнице молодежи... Мы ведь тоже кое-что знаем, читаем классиков... Спору нет, Эдемский — талант, но ведь если сегодня помочь ему, завтра надо помочь Чернокотову... Говорят, он тоже талант... По-своему, конечно... Нет, Зоя, хватит оттепелей. Мы — северная страна... Умеренный мороз нам на пользу... Дышится легче, снегом все покрыто, чисто, свято... Люблю русскую зиму, люблю русский лес зимой... Эсфирь с ребятами после Нового года едут на школьные каникулы в Прибалтику, а мы с тобой на лыжах махнем... В Брянские леса... Я там в войну много попетлял... Партизанский край... Чудные места... Мяса зажарим на углях... А об Эдемском подумаем, только пусть он ведет себя потише. Пыль осядет от скандала, тогда, может, в периферийном издательстве... Ну, я пойду... Не хочу никого видеть... Скажешь Вартаньянцу — срочный звонок с верхов... Я слышал, он неизлечимо болен?

Карабинович

Рак легких...

Хомятов

Что ты... И такая служебная активность у неизлечимо больного...

Карабинович

Все мы неизлечимо больны с момента рождения. Однако суетимся совсем в других направлениях.

Хомятов

Да, жаль, что нас не будет через двести лет... Посмотреть бы на мир, на Россию, какими они станут без нас?.. Хотя, какой там через двести, через пятьдесят лет, через тридцать нас уже не будет... А что такое тридцать лет? Рукой подать... Как там сказано — „если нет бессмертия, мировой процесс не имеет смысла...“ А раз так, все позволено: режь, руби, насилуй... Ницшеанство...

Карабинович

Но ведь автор против этого и восстает.

Хомятов

Восстает-то он восстает, но впадает в другую крайность... Нет, Зоя, вряд ли это пройдет и в периферийном издательстве... Посоветуй автору переменить тему... Ну, я побежал (целует ее в щеку).

Карабинович

Если бы, переменив тему, можно было бы перепрыгнуть через свою могилу и пойти дальше.

Хомятов

Это экзистенциализм, Зоя... Это Европа... Это не для русского желудка.

Карабинович

А как твои статьи против русофилов?

Хомятов

Я не русофил, смешно даже об этом... И не тебе об этом... Ты-то меня знаешь... Но вот, например, в работе твоего любимца Эдемского приведены прекрасные слова французского критика Вогюэ об одном из литераторов: „Такое перо, как ваше, защищает Францию, как шпага..." О ком из нас можно с уверенностью сказать, что наше перо защищает Россию, как шпага?

Карабинович

А тебе не кажется, что русский меч должен прокладывать путь русскому плугу?..

Хомятов

Что? Шуточки... И почему это мы с некоторых пор должны вечно оправдываться в своей любви к отечеству?.. Что за мода пошла... Эсфирь права... Русским не обязательно быть от рождения. Это шовинизм, национализм... Русским может стать всякий, полюбив Россию, как самого себя (вдруг вспыхив), или любите Россию, или убирайтесь к чертовой матери! (Идет к дверям, стуча ногами, на пороге останавливается.) Я не менее вашего ценю литературную честность... Что за монополия с вашей стороны на литературную честность... (Выходит.)

Карабинович (тихо)

Эк его прорвало... Взбесился с пол-оборота... Впрочем, завтра придет мириться и извиняться... Это с ним уже бывало, и по тому же поводу. (Уходит.)

Некоторое время у курительной комнаты и в буфете пусто, только Касьяновна возится, убирая со столов пустую грязную посуду и окурки.

Касьяновна

Мое дело в комнатах подмести да буфет убрать... А тут кровяца... Чтоб вы сгорели...

Петрузов и Труш выводят из задней комнаты Чернокотова с забинтованной головой и пластырями на лице. Следом идет Валя.

Валя

Ну как ты, Вася?

Чернокотов (с трудом шевеля губами сквозь бинты)

Ничего... Отдышался, отсиделся, отстучал донскую дробь на барабане... (Силится улыбнуться).

Валя

И как только он тебе ребра не поломал...

Чернокотов

А у меня секрет (скривился от боли, передохнул), мужицкий... Народное средство... Русского мужика давно б запероли, если б не средство от дедов, прадедов... Как бить начинают, он донскую дробь... Брюшным воздухом, луком да кислым хлебом... Необъяснимое медициной укрепление организма происходит... Хоть до крови секи...

Валя (смеется)

Ну тебя, Вася... Бесстыдник ты...

Петрузов (смеется)

В здоровом теле здоровый дух... Русская живучесть.

Труш (зло)

Я с них не слезу... Вся эта банда от мала до велика... От Хомятова до швейцара... Мало они народ мучили, раскулачивали, в тюрьмах гноили...

Чернокотов (кривясь от боли и прикасаясь к бинтам)

А Иван этот... Рожа лакейская... Как увидел, нахлынуло на меня... Такие, думаю, раскулачивали... И когда царских детишек в проруби топили, такие в матросских бушлатах вместе с евреями их ручки ото льда отдирали... Царь-отец сам детишкам глаза руками закрывал...

Петрузов

Опять тебя в антисоветчину потянуло... Да пошел ты... (Выходит.)

Труш

Болтаешь при этом сталинисте...

Чернокотов

Ничего... Это русская деревенская дворняжка... Он хозяина ищет... Сегодня я еще кусок ему бросить могу... Но послезавтра...

Валя

А вон Касьяновна... При Касьяновне зачем...

Чернокотов

А Касьяновна глухая, не донесет.

Касьяновна

Чтоб вы сами оглохли. (Выходит.)

Труш

Сейчас такси найдем... Я тебя, Вася, домой повезу... Ты не храбрись, у тебя, может, ребра поломаны.

Чернокотов

А портфель мой где?.. С Федором Михайловичем портфель...

Валя

Да вон он за стойкой (берет за стойкой пухлый портфель и ставит возле Чернокотова).

Чернокотов (подмигивая и дергая головой)

Мне чекизм-кегебизм не страшен. Я психически ненормальный... Кукуреку...

Валя (утирая слезы)

Деньги-то у тебя есть, обедать есть на что?

Чернокотов

Хлеб да соль, да сало недорого стоят... Хлеб да сало — вот тебе и весь русский ресторан... Куриных блюд в нем не подают...

Входит Соскис.

Соскис

Ну как, Вася?

Чернокотов

Спасибо, ничего, Михаил Залманович.

Соскис

Ну ты, Вася, тоже... Ведешь себя безобразно, между нами говоря... Парень ты талантливый, откровенно тебе заявляю, как и раньше заявлял... По-народному талантлив, от земли. Зачем же тебе этот интеллигентский книжный нигилизм?.. Ох, Вася, Вася, смотри у меня, Вася (он шутливо погрозил ему пальцем).

Труш

Как парня избили, как в концлагере... Воспользовались человеческими слабостями...

Соскис

Да я уж высказал свое возмущение... Думаю, это будет иметь самые серьезные последствия...

Труш

Пойдем, Вася, я тебя провожу...

Соскис

Вот вас, Элем Анатольевич, я попросил бы остаться... Мы быстро закончим... Проголосовать надо, чтоб решение в стенограмме было закреплено...

Труш

Нет уж... Я покинул заседание и в присутствии Хомятова находиться там не желаю... Он думает, что ему все позволено. Но сейчас не времена культа личности... Сейчас Федора Михайловича гробовыми досками не заколотишь...

Соскис

Подождите, подождите, Элем, не горячитесь... Во-первых, Хомятов не член нашего редсовета и присутствовал неофициально. Во-вторых, он уехал и на второй половине присутствовать не будет...

Чернокотов (со злым весельем)

Сбежал, сбежал литературный генерал...

Соскис (продолжает)

А в-третьих, в конце концов сейчас действительно не сорок восьмой год, не времена космополитизма, и вряд ли окрик сверху может заставить нас принять работу, фальсифицирующую и искажающую облик и творчество русского национального гения.

Труш

Это такая подлость, Михаил Залманович... Позволить, чтобы мучительные парадоксы Достоевского стали объектом спекуляции неких, с позволения сказать, толкователей...

Чернокотов

Дерьма вонючего (поморщившись, прикасается к бинтам).

Соскис

Тебе, Вася, пора с площадными выкриками распротиться... Повод даешь разного рода интеллигентам... Я не менее твоего возмущен и Достоевский мне не менее твоего дорог. Но ведь время каменных топоров миновало.

Труш

А иногда жаль, что миновало...

Соскис (разводит руками)

Что поделаешь. Элем Анатольевич... Но, думаю, мы без каменных топоров сумеем защитить от фальсификаторов дорогое нам наследие Достоевского...

Труш

Горьковские тенденции... Максимыча... Их бы волю, они бы Достоевского попросту сожгли.

Чернокотов

Это уж вон оно вам, русский кукиш в потолок (показывает кукиш).

Соскис

Надо побеспокоиться, чтоб Эдемскому ход не только к нам, но и в другие места был закрыт... И никакие дамы, и никакие звонки сверху ему не помогут.

Чернокотов

Приятно, Михаил Залманович, радостно даже... Сейчас даже и среди русских по рождению не часто встретишь патриотов России...

Труш

Ты, Вася, езжай, болтай поменьше. Валентина, может, ты его проводишь?

Валя

Это можно... Я мигом (уходит в заднюю комнату и возвращается в расстегнутом пальто с платком в руках).
Пойдем, Вася.

Труш

Врача к тебе вызвать надо...

Чернокотов

Да что я... Вы здесь Федора Михайловича в обиду не давайте... Где мой портфель?

Валя

Я понесу, на тебе ведь живого места нет... Как побили парня, скоты бесстыжие.

Чернокотов кивнул Соскису и Трушу, обнял Валю за шею и, хромая, ушел с ней.

Труш

Путаный он все-таки человек... Боюсь, плохо кончит... Уже и под следствием был и в психбольнице...

Соскис

Народный талант... Есенинское детство за плечами... Пастух... Приехал в Москву с деревянным сундучком... Но знаете, как у нас умеют, интеллигентское высокомерие... Таких, как Эдемский, — на передний план, шепчутся, подмигивают, в рукописях читают... Ах, ох... А деревенского парня в шею... Так, в общем-то, что мы имеем, как говорят в Одессе... Вартастьянц колебался, но теперь он против... Он теперь против, может быть, сильнее, чем мы оба вместе взятых... Так... Шмулер-Дийсний уехал, но оставил записку, что он против... Монцевич против... "За" будут обе дамы... Петрузов против... Лобачев — неизвестно... Кугушев... Этот больше всего спорит с Эдемским, но, как ни странно, он может быть „за“... Он ведь примерно год назад тоже представил нам договорную работу о Достоевском, которая была отвергнута. Конечно, без скандала... Помните?

Труш

Ну, сравнивать нельзя... Работа была спорной, но с позиций глубокого уважения к Достоевскому... Кажется, она называлась „Пушкинская речь Достоевского“. В ней было много весьма любопытного... Анализ аскетизма, чистоты, высшего духовного примирения со страданием... Анализ „про“ и „контра“ русской души.

Соскис

Ох, молодежь... Сперва молодые люди, потом разбойники... Все вас не туда... Все вас в глубины мрака... А ведь главное — это поэтический мир невиданной новизны и смелости, о котором верно писал Томас Манн, анализируя творчество Достоевского... Впрочем, времени мало, не будем отвлекаться... Так что Кугушев может быть и „за“... А к Кугушеву прислушивается Петрузов...

Труш

Федот не посмеет... Да и Кугушев, думаю, будет против.

Соскис

Надо брать худший вариант... Но даже худший вариант в нашу пользу (смотрит на часы). Пойдемте, скоро начинаем. Думаю, это займет не больше десяти минут.

Входят Эдемский и Жуовьян. Обмениваются с Трушем и Соскисом враждебными взглядами и садятся за стол.

Жуовьян

А буфет не работает, что ли?

Соскис (Эдемскому, сухо)

Мы сейчас начинаем.

Эдемский

Хорошо, я приду.

Соскис и Труш уходят.

Жуовьян

Какая гадина... Типичная личность, рожденная в стойле... У него в боковом кармане уже и гвозди позвякивают, чтоб распать тебя...

Эдемский (усмехнувшись)

Тайна Голгофы... Правда, распятая на кресте, никого не насилует... Ее можно только свободно обличать или принимать...

Жуовьян

Если бы все так просто... На кресте распинают ведь не только Христа, но и Антихриста... Я мечтаю написать работу под названием „Распятие Антихриста“... Что, ты не согласен? Тогда будь уж логичен, прими „слезиночку“ из „Великого Инквизитора“... Прими атеистическую мысль Версилова о том, что много гордых людей любили Бога, чтоб не любить род людской...

Прими, наконец, слезы самого апостола Федора, когда Белинский при нем ругал Христа... Слезы эти ведь на недоразумении основаны... Не понял Достоевский, о чем речь... Белинский ведь ругал чужого Христа, из Назарета, а Достоевский по русскому Христу плакал, из Курска или Вологды... Прими также поцелуй, которым наделил апостол Федор Мессию русской литературы Александра во время открытия ему памятника в тысяча восемьсот восьмидесятом году... Не знаю, как тебе, а мне поцелуй этот слишком напоминает тот евангельский, после тайной вечери, отвергнувший и Христа и Бога.

Эдемский

Достоевский не отверг Бога, тогда б его атеизм был малоинтересен... Достоевский родился без Бога, и в этом причина современности его нынешних художественных завоеваний и причина порабощения им духовной жизни двадцатого века... Иван Карамазов отказывается любить мир Божий бесплатно и бескорыстно, выгоду же и прибыль ищет самую высокую, выше чего и не бывает для человека — высшая прибыль отсутствие страданий, беря за предельные страдания — детские страдания.

Жуовьян

Но ведь и Толстой, помнишь: „Я ничего не хочу, я желал бы только не страдать". Такое доведенное до крайности понимание Христа.

Эдемский

Нет, здесь другое... Тут просьба... Достоевский же стремится к страданию, чтобы доказать через него ущербность Божьего мира. Тут снова атеизм. Иное дело Иов... „И отвечал Сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов..." Нет, оказывается, даром, без корысти богобоязнен человек из земли Уц... Бескорыстия в любви, не бытового, а высокого, космического бескорыстия не принял Иван... Билет свой вернул... Не любовь, а ее антипод свобода — его идеал... А свобода никогда не бывает бескорыстной...

Входит Карабинович и Колмакова.

Колмакова

Что ж вы здесь сидите, ребята, вас ждут...

Жуовьян

Ну, меня вряд ли... И Ромке, по-моему, идти туда бесполезно...

Эдемский

Хомятов ушел?

Карабинович

У Алексея Ивановича дела... Но он поговорил с Вартаньянцем... Сделал что в его силах.

Жуовьян

В последнее время у ихнего брата с капитанских мостиков все торжественные юбилеи, да торжественные похороны... Насчет похорон я согласен, повод есть, а вот для торжественных юбилеев...

Карабинович (сердито вскинув голову)

Некоторые до седых волос сохраняют бескомпромиссность, излишнюю категоричность и узость суждений, что характерно для подростков и юношей... Это психический инфантилизм... Юношеская психика в тридцать пять лет, это, извините, смешно (выходит, сердито стуча ногами).

Жуовьян

Обиделась за своего...

Колмакова (сердито)

Как это непорядочно... Ради вас Зоя пошла на какие-то компромиссы... Чего ей стоило уговорить Хомятова приехать...

Жуовьян

Оставь, Оля... Можно, конечно, вести себя инфантильно, тут она права, но не все же время...

Замолкают и некоторое время сидят молча.

Эдемский (как бы с середины)

Талант, а тем более гений, по своей органике несет в себе элемент безбожия, и верующему человеку всегда приходится с трудом, а иногда и с мукой преодолевать это естественное свойство таланта...

Жуовьян

Это проблема сознательного и бессознательного.

Эдемский

Да... В сознательные идеологические моменты своего творчества преодолеть такое никогда не удастся, а только в бессознательные... Достоевский, в отличие от Пушкина, Гоголя и даже Толстого, писатель, в коем бессознательный элемент хоть и присутствует, но крайне ничтожен... Достоевский — писатель идеологический, классовый, почти в революционном понимании классов общества... Его понимание народа как только низшего слоя, занимающегося физическим трудом, его соблазн народопоклонства, все это идеологически и сознательно... Толстой если и соблазнялся, то личностью в народе. Достоевский же — низшим классом как единым божеским небесным существом... Потому в толстовском „Утре помещика" серьезнее, чем в „Бесах", показ революционных сил России...

Жуовьян

Кстати, о народном характере... Даже самые ярые последователи Достоевского, стоит зайти о том речь, выдвигают немедленно и в первую очередь дачное ребячье впечатление писателя — мужика Маряя... Маленький эскизик, более ничего... И при таком понимании народной жизни — слепое преклонение перед ней на уровне идолопоклонства.

Эдемский

И прибавь к тому сатиру... Смех по сути своей атеистичен, и первыми сознательными атеистами были сатирики... В Библии, где имеются атеистические места, поскольку в Библии все имеется наперед заданное и существующее, в Библии присутствует и сатирическое начало. Евангелие

же самая серьезная и несмешная книга в европейской культуре... Может, еще и по этой причине, помимо прочих, сатирик Достоевский в „Великом Инквизиторе" вместо недоступного ему Иисуса Христа вывел загримированного и переодетого князя Мышкина, вывел и переселил в шестнадцатое столетие, в Севилью, князя Мышкина, личность, которой, в отличие от евангельского Иисуса, все человеческое чуждо, да и, более того, всю поэму о втором пришествии густо наперчил сатирой в духе Вольтера и энциклопедистов как в отдельных выражениях типа „воздух лавром и лимоном пахнет", так и в общем направлении, отчего простодушный Алеша время от времени восклицает, слушая брата, через которого Инквизитор проповедует: „Я не понимаю, он иронизирует, смеется?" На что Иван с серьезом, на который способен опытный сатирик, отвечает: „Нимало... Все от чистого сердца".

Колмакова

Все-таки приятно, ребята, что вы вместе. Слушаешь вас не то что с интересом, с восторгом... Но под стенограмму это говорить не стоит... Там восторгов не будет.

Жуовьян

Зачем тогда вообще... И зачем тогда в частности...

Колмакова

Не надо только изображать из себя Донкишотов... И все будет хорошо... В наше время даже и пещер нет, где можно питаться сушеными кузнечиками и акридами.

Входит Вартаньянц.

Вартаньянц (сердито)

Друзья мои молодые, что это за несерьезный и нетактичный подход к редсовету... Мы уже пятнадцать минут вас ждем, а вы в буфете...

Колмакова

Мы сейчас, Павел Дмитриевич... В принципе, позиция каждого из нас ясна. Алексей Иванович Хомятов, который, к сожалению, вынужден был уехать по делам, совершенно верно подытожил общее направление...

Вартаньянц

При всем моем уважении к Алексею Ивановичу итоги подводить должен все-таки редсовет... Это порядок не желательный, а обязательный. Хотя много было сказано правильного, ничто не явилось такого, что могло бы повести автора в нужном направлении, и сам автор нам в этом нисколько не помог. Шел спор сугубо теоретический.

Колмакова

Но ведь подавляющее большинство, за исключением открытых недоброжелателей, говорило о таланте автора... Что же касается этого пьяного хулигана и его тайных покровителей...

Вартаньянц

Не будем касаться скандала... Речь сейчас идет о работе... Для того чтобы она имела перспективу, недостаточно только констатировать талантливость. Разумеется, работа

проделана серьезная, а это означает в переводе на деловой язык, что аванс остается в пользу автора при всех условиях.

Эдемский (махнув рукой)

Я не ради денег, ради денег я бы писал репризы в цирк.

Вартаньянц (сразу побагровев)

Что вы машете рукой, молодой человек... Жене своей дома махать будете...

Эдемский

Я холост.

Колмакова

Замолчи, Ромка...

Вартаньянц (еще сильнее побагровев)

Что за наглость, точно мы вам в чем-то обязаны (начинает кашлять). Что за самодовольство в молодые годы... Что за злобность и нигилизм... Что за... (Кашляет, закатив глаза, положив руку на горло, трясясь всем телом.)

Вбегает Вера Степановна, входит торопливо Касьяновна. Вера Степановна быстро нащупывает коробочку в левом кармане, достает таблетку, кладет ее в посеревшие губы Вартаньянца. Тот проглатывает. Вместе с Колмаковой они усаживают Вартаньянца на ступ. Вартаньянц сидит некоторое время молча, бледный. Тишина.

Касьяновна (тихо вздыхая)

Ох, горе, горе... Вера Степановна. Я вызову машину... Домой вас... Вартаньянц (тихо). Не надо... Остаточные явления. Бывало по десять раз в день, а теперь два-три раза в неделю. (Встает, идет к выходу, вытирая рот платком.)

Вера Степановна

Ну, слава Богу!

Колмакова (негромко)

Подождите, Павел Дмитриевич... Вместе пойдем (к Эдемскому). Пойдемте, Роман Григорьевич.

Эдемский (Жуовьяну)

Сереза, ты меня в скверике... Я недолго...

Жуовьян (усмехнувшись)

И у пессимизма должна быть своя этика...

Все, кроме Жуовьяна и Касьяновны, выходят.

Касьяновна (убирает, ворчит)

Наломали, набросали, накурили... И чуть чего, руками ругаются...

Жуовьян

Это правильно... Человек человеку — волк, товарищ и друг...

Касьяновна

Ты-то чего здесь... Мне пол мокрой тряпкой протирать...

Жуовьян

Я сейчас уйду, мать... Но ты не гони меня, я сам уйду. Когда человека гонят, это значит — перечеркивают его личность... По кантовской этике, подозревать в каждом человеке личность, значит уважать его, даже когда человек сам свою личность не создает.

Касьяновна

Ты чего мне говоришь, ты девкам пойдешь скажи (смеется).

Жуовьян

Смирись, гордый человек! — выкрикнуть в центре толпы — значит, совершенно не понимать, что такое смирение... Смирение есть одиночество... В присутствии других человек более горд, чем в одиночестве... Достоевского же трудно представить себе в стороне от общества... Вот уж кого в одиночестве не представишь... Это личность общественная, личность двадцатого века...

Касьяновна (отложив тряпку и глядя на Жуовьяна с насмешкой)

Ты чего, не русский?

Жуовьян

Нет, почему же, я русский... Но прадед мой был бельгийцем... Настоящая моя фамилия не Жуовьян, а Жюовьян... Не „у", а „ю".

Касьяновна

А что ты хочешь, если ты чем-нибудь недоволен, к начальству обращайся... Тут же они все недавно были, а ты молчал... Вартастьянц, Соскис...

Жуовьян

Я, мать, вызубрил несколько истин так сильно, что вообразил их своими. Истины же эти не могут быть ничьими, ни Шекспира, ни Канта... Они слишком бесспорны, чтоб кому-либо принадлежать.

Касьяновна

Ах, ты о жизни своей мне, что ли, рассказать хочешь... Мать-то, отец у тебя есть? Братья, сестры?

Жуовьян (после паузы)

Была у меня и мать... Вы не удивляйтесь... Вы разрешите мне здесь поговорить... Если вовремя от слов не освободишься, они каменеют в груди... Начинается бессонница... (Роется в бумагах, которые достает из папки.) Я об идее непорочного зачатия... Идея непорочного зачатия чужда идее страдания, свободы и наслаждения... Идея Чистой Девы и Абсолютной Матери есть женская

бессознательная, то есть за пределами человеческого сознания... Достоевскому же были доступны только научные, сознательные, мужские, однополюсные идеи... Идеи Раскольникова и Ивана Карамазова... Лишь изредка и не в главном он впадал в бессознательное... Вся фантастика, романтика и даже иррациональный мистицизм Достоевского, не говоря уже о его идеологии, построены по строгим химическим сознательным законам... Даже падение худосочного Алеши на землю носит скорее медицинский, чем таинственно необъяснимый, бессознательный характер... Человеческую же душу Достоевский материализует, подчиняя ее химическим законам... Дикарь открыл идею Бога, безусловно, в звездную ночь... Но, конечно же, то были не Иван Карамазов и Раскольников... В диком состоянии Иван Карамазов и Раскольников вообще невозможны, имея в виду первобытную дикость... Первобытная дикость — это все-таки начало, а у тех, чьи способности только отрицательные, собственного начала нет... Они во вторую очередь всегда являются... Вспомните „Карамазовых“: „Если русскому школьнику дать атлас звездного неба, то он его тотчас же по-своему переделает“. Наблюдение верное, но, как часто у Достоевского, из верного наблюдения неверный вывод. Хорошо ли это и нет ли здесь главной беды... Здесь не донкихотство, просим не путать... Дон-Кихот — личность пусть и печальная, упрекающая жизнь, но гармоничная, созидательная... Здесь же, в этих русских школьниках, в школьные годы Роди Раскольникова и Вани Карамазова уже агармония... Гордыня, но при ясном аналитическом цепком разуме... Нет, они даже и в школьные годы не настолько безумны и не настолько глупы, чтобы не понимать, что звездное небо карандашиком не перечеркнешь... Оно над тобой и вне тебя... Но хотя бы на бумажке, да свое небо, хоть на бумажке, да по-своему в нем звезды расставлены, по-русски... Но были и иные, к сожалению, чаще из логичных публицистов, чем из поэтов... Хотя были и поэты... Они всегда знали, где зарыта погибель России и кто в этом месте упрямо копает... Они знали, что Россию сохранит живое небо, а не то, что из строптивости и гордости рисовал на бумажке русский школьник Федя Достоевский... Трактирный полемист...

Касьяновна (глядя с тревогой и удивлением)

Худо тебе, что ли, сынок, может, воды тебе дать... Ишь побледнел...

Жуовьян (словно очнувшись)

Я пойду, мать...

Касьяновна

Ты мирмиладу, может, хочешь... От сладкого голова болеть перестает (достаёт кулек и протягивает ему).

Жуовьян

Это уже просто с твоей стороны, мать, сатирический прием в духе Вольтера. Как только Вольтеру не хватало аргументов, он высовывал язык, и оппонент его таким образом был уничтожен... Достоевский также не был чужд подобному... Что поделаешь, великие сатирики... Да еще без гоголевских поэтических неясностей... Идеологические сатирики...

Касьяновна (обиженно)

Не хочешь — не надо (кладет кулек и берет швабру, наматывает на нее тряпку).

Слышен шум, доносящийся из зала, где идет редсовет... Пауза...

Выходит Эдемский.

Быстро же тебя выгнали...

Эдемский (смотрит некоторое время на Жуовьяна, достает рукопись, листает ее).

Фома Неверующий хотел пальцем проверить раны на теле Иисуса и только тогда поверить в его Воскресение... Другие ученики поверили, но Фома захотел увидеть раны от гвоздей и вложить пальцы в эти раны и в рану на ребрах... И, подставив раны свои под чужие пальцы, Иисус ответил Фоме: „Ты поверил потому, что увидел меня, блаженны не видевшие и уверовавшие...". Фома Неверующий, прозванный Близнец, был первым эмпириокритицизмом нашей цивилизации, основавшим свою философию на критическом опыте. К последователям апостола Фомы, получившим распространение, и это весьма характерно, к концу девятнадцатого — началу двадцатого века, относятся, например, Аверениус и Мах... Их взгляды, обильно взошедшие особенно среди научной интеллигенции, неопровержимы, если исходить из опытного понятия о мире... Но разве опровержимы взгляды Родиона Раскольникова о своем праве на пролитие крови, которую льют, как шампанское, на войнах и за которую венчают в Капитолии, если исходить из тех же эмпирических, естественных понятий... Разве все вокруг знаменитой „слезиночки ребеночка" не научная опытная модель справедливости, построенная внутри мира, составленного из однородных химических веществ, мира, где, чтобы уверовать в Правду, надо вложить пальцы в раны этой страдающей за род людской Правды, мира, опирающегося на личный опыт, как на фундамент, мира, где униженные и оскорбленные рассматриваются как наиболее пригодный органический материал для предельных экспериментов над душой, конечный продукт которых является обнаружением зла и преступления даже в недрах любви к людям... Все живое и художественно полноценное в творчестве Достоевского от „человека из подполья" к Версилу, Шатову и далее, к Ивану Карамазову, все живое и каждое из них по-разному и в разные моменты своего апокалиптического бытия требовало от Правды позволить им вложить пальцы свои в раны ее, чтобы убедиться наощупь в телесности этой Правды... А если Правда бестелесна, тогда все позволено, вплоть до права личности на пролитие крови... Но телесную Правду даже наощупь Достоевский так и не обнаружил в художественные моменты своего творчества... Толстой верил, что человеческая жизнь участвует в круговороте органической жизни на равных правах с травой и животными... Достоевский отвергал этот общий круговорот... Он требовал от человеческой жизни самоцели и самоконструкции... Но человеческая личность, которую всю свою творческую жизнь конструировал Достоевский, лежит на иных, противоположных путях, Достоевскому недоступных... Неуважение Достоевского к нерукотворным путям „твари дрожащей" и поиски рукотворных путей „власть имеющих" есть результат его отчаяния перед мировым процессом... Однако в отличие от Фридриха Ницше, Достоевский даже свое отчаяние подчинил научному любопытству, и потому конечные выводы его всегда мертвые, неподвижные, нечеловеческие, не от Святой Девы, а от химической реторты... Нерукотворный путь личности, по крайней мере, ближе к „твари дрожащей" не по результатам, а по природному лону... Но Достоевский отверг этот путь и потребовал прямых доказательств от Бога и Христа... Именно потому Достоевский был и еще некоторое время пребудет духовным вождем двадцатого века... Это упрек всем и никому... Все мы в большей или меньшей степени соблазнялись Достоевским... Ибо первым, кого встречает ныне незрелый, но желающий приобщиться к духовному человек двадцатого века, — это Достоевский... Впрочем, Достоевским соблазнялись не только начинавшие жить духовной жизнью, им соблазнялись и личности, стоявшие в центре духовного творчества, ибо соблазн Достоевским есть одна из духовных болезней двадцатого века... Слепо одержимый Россией, Достоевский при жизни своей, в девятнадцатом веке, не был принят ею в качестве духовного вождя, и подлинное возвышение его началось среди потребительской цивилизации Запада в момент вступления ее

в эпоху катастрофических процессов... Андрэ Жид сообщал в начале двадцатых годов о Достоевском (долго листает работу, потом читает). „Именно он вершина... Там берут начало самые водные реки, способные в настоящее время утолить ту жажду, которой томится Европа..." Тут нужны цитаты из Андрэ Жида... Без них, к сожалению, не обойтись... К сожалению, потому что всегда скучно цитировать малоталантливого автора, но в данном случае это необходимо для объяснения „европейской жажды"... Вот говорит его персонаж, романист, писатель, западный психоаналитик (листает бумаги). Это в работу не вошло, это черновик, но весьма кстати. Итак, писатель: „Речь идет о молодом человеке, из которого я хочу сделать преступника". — „В этом я не вижу ничего трудного", — отвечает его собеседник, который за три страницы до этого эпигонски повторил деяние Раскольникова, выбросив своего случайного спутника из окна вагона, повторил в ситуации и душевном состоянии, лишь фарсово повторяющей ситуацию и душевное состояние Раскольникова... Впрочем, психоанализ в литературе всегда ведет к фарсу, фарс заложен и в самом Раскольникове, но скрыт глубоко в недрах подсознания, здесь же вульгарный фрейдизм... Но вернемся к цитатам. Андрэ Жид немыслим без цитат, он все объясняет и за себя и за своих оппонентов... „...Обосновать преступление нетрудно", — заявляет декадентствующий преступник. „Разумеется... Но именно этого я и не хочу... Я не хочу обосновывать преступление, мне достаточно обосновать преступника... Да, я хочу, чтобы преступление он совершил бескорыстно, чтоб он пожелал совершить ничем не обоснованное преступление. Возьмем его совсем еще юношей... Я хочу, чтоб изящество его природы сказалось в том, что его поступки по большей части игра, и что выгоде он обычно предпочитает удовольствие... Преступление не вызвано ни страстью, ни нуждой..." Нетрудно заметить, что мысли эти отличаются от мыслей Раскольникова тем же, чем отличается современный массовый вульгарный автомобиль от своего знаменитого прародителя, то есть техническим усовершенствованием, природа которого была предопределена в самой изначальной конструкции... Исчез громадный кузов — наивная идея... У Раскольникова — идея овладеть деньгами процентщицы, чтоб стать с помощью денег добродетелем человечества... Осталась лишь обтекаемая динамичная материальная основа конструкции — „червь я дрожащий, или власть имею..." Бескорыстное преступление - игра, научный опыт... Устами Андрэ Жида митингово четко сформулирована идеология западного психоанализа двадцатого века, а предел психоанализа — анализ бескорыстного преступления. Это не что иное, как разврат мыслей и чувств, разумеется, если таковой анализ совершается не в области медицины, а в области духовной... Разврат есть результат пресыщения... Преступление же лишь на первый взгляд происходит от избытка... В действительности же — от недостатка и недоступности того, что завещано человеку и что вне человека. Когда потеряно зрение, осязание, обоняние и слух, ищешь пятого иррационального ощущения, вступаешь в разговор с чертом... Так случайно ли именно Достоевский стал пророком и идолом ослепших и оглохших в своем стремлении к безудержной свободе... Прочтите несложного Андрэ Жида и поймете сложного Достоевского... Истинно, идола, бойтесь искренних идолопоклонников...

Жуовьян

Раскольников, по крайней мере, страдал, не от раскаяния, конечно. Сам не знаю, отчего, но страдал. Лафкадио, этот приобретший европейский лоск Смердяков, читая в газете заметку об убитом им человеке, возмущается литературным стилем, которым заметка написана... Путь от преступления по идее до преступления бескорыстного завершен...

Эдемский

А вот и исповедь... Раскаяние: „Несчастное дитя, как вы могли это сделать?" — „Почему я знаю. Я сделал это очень быстро, пока мне хотелось". — „Что вы имели против Флериссуара, этого достойного человека, таких прекрасных качеств?" — „Я не знаю. У него был жалкий вид... Как вы хотите, чтобы я вам объяснил то, что я сам не могу объяснить..." И все-таки воскресение

совершается. Подслушавшая этот разговор дочь графа жертвует преступнику свою девственность ради воскресения его души... Но при чем тут Достоевский, можно спросить... Все приведенное выше из сочинения под кокетливым названием „Подземелья Ватикана“, свидетельствует только о том, что Андрэ Жид плохой литератор. Это, конечно, так. Но вопрос в другом. Отношение Запада к русской культуре всегда было несколько „столичным“, покровительствующим, впрочем, иногда и не без оснований. Вспомним упреки в подражании, адресованные библейскому гению Пушкина... У разных литераторов на Западе была разная судьба... Лермонтовым почти пренебрегли, Тургенева чтители и принимали. Толстого читали и даже кое-что у него заимствовали, во второй половине века начали учиться у Чехова и даже полюбили его, но той любовью, какой любят любимого преподавателя лица, которому гимназистки шлют любовные записочки... Но ни перед кем „столичный“ Запад не унился в таком неистовом почтении и подражании, как перед Достоевским, ни к кому не шел он так на поклон, никого не слушал он с таким вниманием... Какую же всемирную бездуховность воплотил в себе этот обрусевший поляк?

Почему тщеславный нигилист Ницше, отрицавший всех и вся, вплоть до Иисуса Христа, заявлял, что „только Достоевскому удалось научить меня в области психологии“... Андрэ Жид был плохой литератор, но это был человек „высшего света“ в западной культуре начала века, ему можно отказать в таланте, но нельзя отказать в цепком уме... Как же он позволил себе, он, человек столь цинично заостренного ума, совершенно сознательно рабски подражать идеям и сюжету „Преступления и наказания“?.. К провинциалу Пушкину в подражатели он бы никогда не подрядился, особенно так публично... Так можно подражать только пророку, сказавшему не просто новое слово, а то слово, которого давно ждали и искали, но никак не могли найти или не осмеливались найти... Практичный в обиходе Запад давно уже стал непрактичен в идеях, даже собственных, в то время как непрактичная в обиходе Россия в идеях оказалась весьма практична... Практическую бытовую смелость в обращении с всемирными бездонными идеями, вот какое вызревшее к двадцатому веку в России чувство воплотил в своих идейных романах Достоевский. Западу нужен был незрелый практик с другой планеты, романтический, наивный доктринер, а так смело распоряжаться скоплением идей и теоретических доктрин крайнего всемирного масштаба, как распоряжался ими Достоевский, мог только человек с практической хваткой полкового лекаря... Но ведь Достоевский начинал не с всемирных идейных романов... Он начинал не как „всемирный гений“, а как талантливый российский литератор... И, может быть, стоит вернуться к размышлениям о Достоевском, освищенного Андрэ Жидом...

Жуовьян

Это тот самый Андрэ Жид, который заявлял: с одной лишь наблюдательностью и с таким даром вымысла, если сочетать только чувствительность, то можно стать Гоголем, но нельзя возвыситься до Достоевского...

Эдемский

Итак, освищенного Андрэ Жидом наивного консерватора от литературы, выходца из девятнадцатого века виконта де Вогюэ. „Бедные люди“, „Записки из Мертвого дома“, „Преступление и наказание“... После этого, считал Вогюэ, художественный талант Достоевского перестал расти, и он занялся идеями, „которые, как он думал, у него были“.

Жуовьян

Причем слом этот произошел где-то в середине „Преступления и наказания“... Утверждают, что в „Бедных людях“ Достоевский недостаточно самостоятелен, но этот недостаток, естественный для молодого человека, вполне искупается внутренней одухотворенностью и живым еще

гоголевским соучастием к слабым мира сего... „Записки из Мертвого дома" хороши подлинностью восприятия на естественном, доступном литератору уровне, без натуги... Это еще талант, увлеченный делом, а не стремлением вознестись над самим собой, стать не тем, что ты есть, а гораздо более себя и значительней... „Преступление и наказание" — такое уже наматилось, но все-таки художественность еще побеждает, особенно за счет первой части... Идейная какофония уже в полной мере существует, но в целом воспринимается не самостоятельно, а как некий музыкальный фон... Художественные открытия еще присутствуют на том уровне, на каком они предъявляются серьезному литератору... Однако далее худшие тенденции „Преступления и наказания" получают свое развитие, возможно, это связано с внутренним ощущением литератором своей художественной исчерпанности и опустошенности... Эти тенденции и рожают серию „мировых" романов, принесших Достоевскому титул гения. Но могут сказать, в „мировых" романах Достоевского встречаются нарицательные характеры... Однако нарицательный характер не обязательно должен быть рожден художником... В периоды общественных движений его даже чаще не столько воссоздает, сколько разглядывает в жизни острый глаз фельетониста-сатирика... Если бедный чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин, как, впрочем, и дальний родственник его Макар Девушкин, рождены в творческом таинственном акте, то Смердяков все-таки увиден в жизни ясным глазом фельетониста... Творческого движения вперед от уже достигнутого в „мировых" романах Достоевского нет. В лучшем случае цепкость и острота фельетониста... И в ответ на стандартный упрек в скольжении по поверхности проблематики Достоевского можно ответить — вы ищите и находите глубину там, где ее нет и где она только чудится... Раскольникова можно упрекать в непорядочном и неразумном доктринерстве, но видно, что он сам двигает своими руками и ногами почти до конца... До „воскресения"... Но „воскресению" отводится всего несколько страничек в конце... В последующих мировых романах руки и ноги множества персонажей иногда остроумно, а иногда и неостроумно дергаются за ниточки... Особенно этим грешит в основных своих чертах „Идиот", роман наиболее немецкий по общему облику, и это несмотря на наличие в нем Рогожина в смазанных дегтем сапогах и с ножиком за голенищем... Русский образованный националист конца века, проклиная Европу, особенно Францию, единственно кого выделял, так это Германию, даже назидательно пытаюсь отучить простонародье от слова „немчура"... Германию, у которой он, по выражению Максима Горького, „учился философствовать, но не выучился работать"... Естественно, создавая свое идеальное сочинение, Достоевский потянулся, может быть, на этот раз даже бессознательно, к немецкому идеалу, обильно политому сладкими слезами, которые, и в этом разница, в перерывах от дела льют под „Айн кухель бир" немецкие производители... О, эти немецкие слезы, совершенно девичьи легкие слезы на мясных щеках немецких бургеров... Эти трогательные истории про Лизхен и Карлхен... Только на первый взгляд современный психоанализ далек от них... Их объединяет общее и главное — внутренний холод и синтетическая плоть, которая выглядит часто гораздо более привлекательно и совершенно, чем плоть живая...

Эдемский

Но в двадцатый век, век новых энергий, новых материалов и новых идей, наступление в литературе научно-психологического романа неотвратимо... Старик Вогюэ со своим, по определению Андрэ Жида, „салонным сознанием" сдан в литературную богадельню, и Запад вернул Достоевского России всемирным пророком и идеологом нового сознания, весьма опасного для молодых полуазиатских, легко поддающихся экспериментам, душ... Тот, кто не верит направляющим общим идеям, тот творит идеи сам в массовом количестве... Он творит идеи собственноручно, и потому не может испытывать к ним уважения, не видя в них высшей тайны, а одну лишь продукцию... Достоевский не уважал ни идею жизни, ни идею смерти, ни даже подлинную идею такого близкого ему существа, как Россия, которую он воспринимал

метафизически... Впрочем, Достоевский и сам ощущал свой путь: „Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее“, — с горечью восклицает Ставрогин в своем предсмертном письме, венчающем роман „Бесы"... В этой краткой горькой фразе кредо жизни, душевная исповедь и полный литературно-критический самоанализ Достоевского... Ибо лгать в предсмертных письмах, хоть и в русле достоевщины, но все-таки не в живой и полнокровной ее части, а на ее наиболее эпигонствующей и вульгарной периферии. Двадцатый век был не только научным, но и вопреки ожиданиям националистическим... Это своеобразное, кажется, никогда ранее не встречавшееся сочетание отняло у культуры самые зрелые ее силы и сделало ее разорванной... Культура, лишенная сплошного развития, всегда склонна к соблазнам... Один из наиболее опасных соблазнов, особенно в мучительный век, есть соблазн достичь счастья через страдание... Это краеугольный камень духовного творчества Достоевского, особенно периода „мировых" романов. Но такие разные личности, как российский писатель Гоголь, как библейский Иов и как Иисус из Назарета, отвергали подобный фрейдистский медицинский способ — достичь через страдание самоуспокоения... Для каждого из них страдание было не способом для достижения счастья, а духовной обязанностью перед тем, что вне их и над ними... Они начисто отвергали в страдании индивидуализм... Нет, не тому они учили нас и не туда звали... Достоевский возвысился на некоем „буме" психоанализа, завладевшего культурой двадцатого века... Учиться у него легче, чем у Гоголя или даже Тургенева, подражать проще, соблазниться его идеями заманчиво и льстит самолюбию, ибо всякий несовершенен... Достоевский — это вершина культуры, приобретшей многое, но потерявшей лишь одно — святость, нечто консервативное, не динамичное, не обтекаемое и даже, с точки зрения бунтующей личности, смешное... Но такая культура рано или поздно обречена на самоистребление, согласно метафизической системе, предтечи Фридриха Ницше, самоубийцы Кириллова из романа „Бесы"... Ибо то, что в ней господствует, более уязвимо и непрочно, чем то, что в ней подавлено и гонимо...

Некоторое время Эдемский и Жуовьян устало, в изнеможении смотрят друг на друга, потом молча выходят.

Касьяновна

Бу-бу-бу... Накурили, набросали... Чтоб вам сгореть. (Начинает уборку.)

Занавес

Москва, 1973.